

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДМИТРИЙ САМОХИН

У СМЕРТИ
ТВОИ ГЛАЗА

Дмитрий Самохин

У смерти твои глаза

Серия «Петропольский цикл», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119919

У смерти твои глаза: Издательство Альфа-книга; М.; 2004

ISBN 5-93556-395-9

Аннотация

Столица империи – Санкт-Петрополис готовится к празднованию своего трехсотлетнего юбилея. Со всех концов мира в гости к Императору Всея Руси слетаются именитые и титулованные особы. А к частному детективу и пивовару-любителю Дагу Туровскому обратился с конфиденциальной просьбой влиятельный бизнесмен. Его друг и компаньон пропал при таинственных обстоятельствах накануне заключения важного контракта, сулящего баснословные прибыли. Даг Туровский со своим напарником Гонзой Кубинцем берется за расследование, не ведая, что над столицей навис огненный меч апокалипсиса.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	25
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	38
ГЛАВА ПЯТАЯ	50
ГЛАВА ШЕСТАЯ	61
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	73
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	82
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	90
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	104
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	111
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	121
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Дмитрий САМОХИН У СМЕРТИ ТВОИ ГЛАЗА

*Это абсурд, вранье: череп, скелет, коса.
«Смерть придет, у нее будут твои глаза».*

Иосиф Бродский

*Я живой,
Я лечу по каналам любви.
Я живой,
Я цвету, если хочешь – сорви.
Я живой,
Я тону у тебя на руках,
Город мой...*

Юрий Шевчук

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Человек, развалившийся в желтом кресле напротив меня, с первого взгляда показался неприятным типом. Лишь он переступил порог моего новенького офиса (только вчера мы отпраздновали новоселье) и сыто, с оттенком презрения осмотрелся по сторонам, как я почувствовал волну антипатии, подымающуюся горлом. Узкое, вытянутое лицо истукана с острова Пасхи, поджарое тело, скрытое строгим черным костюмом от Армани с бриллиантовыми запонками, вы-

сверкивающими из темных туннелей рукавов. Судя по за-
понкам, костюму, холеной роже и повадкам избалованного
кота, оказавшегося посреди помойного царства, – денежки
у него имелись, и немалые. Я поморщился в душе, состро-
ил сам себе кислую физию, точно объелся лимонов, и выпу-
стил из клетки самую гнусную из своих улыбочек – подобо-
страстную.

Посмотрим, с чем вы припожаловали ко мне, господин
Чистоплюй!

– Прошу вас, садитесь!

Я указал ему на кресло и подвинул к посетителю короб-
ку с кубинскими сигарами. Между прочим, дорогие бестии,
по сто пятьдесят рубликов за штуку. Господин Чистоплюй
покосился на шкатулку и поморщился, точно увидел вместо
сигар самокрутки с дрянной махоркой.

– Нет! Благодарю!

Он зябко помял ладони, словно совершал обряд омове-
ния, и уныло зевнул.

Я не собирался терпеть подобную наглость. Мои сигары
ему не пришлись ко двору, а теперь восседает в кресле, как
на троне, и изображает скучающего монарха. Но тут я уви-
дел на его правой руке золотой перстень с огромным брил-
лиантом и решил малость обождать с выставлением потен-
циального клиента за дверь. В конце концов в финансовом
плане я переживал сейчас далеко не самые подходящие для
гонора времена. Новый офис и ремонт движка в катере со-

жрали практически всю наличку и обнулили счет в банке. Остались сущие крохи, только чтобы счет не закрыли. А тут еще и юбилей града на носу – 300 лет – значит, предстоит недельки на три-четыре полный штиль.

– У вас ко мне какое-то дело? – осторожно осведомился я, на всякий случай положив руку на кнопку сигнализации, прилаженную к внутренней поверхности стола. Проводок от кнопки тянулся в соседнюю комнату, где наводил порядок мой напарник и компаньон Гонза по прозвищу Кубинец. Вдруг потребуется помощь, если господин Чистоплюй окажется психопатом и кинется на меня. На такой случай мы и провели в соседнюю комнату сигнализацию. Вдвоем-то утихомиривать куда сподручнее. А судя по поведению, посетитель выдался как раз из опасной категории – непредсказуемых.

– Да, – рассеянно отозвался Чистоплюй. – Я хотел бы нанять вас.

Какой бесцветный голос. Но это уже ближе к истине, стало быть, рядом гонорар.

– Внимательно слушаю. – И я вежливо развесил уши.

– Иероним Балаганов, – представился потенциальный клиент.

– Даг Туровский, – любезно ответил ему я. – Частный сыщик.

– Я знаю. Потому к вам и пришел. У меня очень деликатное дело, которое... я бы не хотел его огласки. Так что если

это возможно...

– Мне дать вам расписку? – съязвил я, убирая руку от кнопки. Этот тюфяк явно был неспособен на шизоидные действия.

– Зачем же расписку. Расписку не надо. Можно и так. Как-нибудь так. – Господин Чистоплюй обмяк и съежился в кресле, будто снедаемый жаром.

Знаем мы все их деликатные дела – сбежавшая любовница, подозрения в отношении супруги, возможный шантаж. Список прост и банален, как фиговый листочек на срамном месте у античной статуи.

– Пропал один человек. Сегодня утром пропал. И это очень странно.

Я уже приготовился услышать душещипательную историю трагической любви, о сбежавшей дамочке и украденных кредитках, которые были обналичены, пока Простачок досыпал счастливый сон на ложе любви, но история оказалась совсем иной.

– Пропал мой компаньон. Романов Роман Исаевич. Он выехал из дома в девять утра, но до офиса не добрался, – голосом полным трагизма сообщил мне Иероним Балаганов суть проблемы.

Таким замогильным тоном вещают о приближающемся апокалипсисе или на худой случай о подходе цунами, но никак не о трехчасовом отсутствии компаньона. Я усомнился в сексуальной ориентации потенциального клиента, но, при-

глядявшись, сомнения отбросил. В этом плане он был чист, как годовалый младенец, извлеченный из крестильной купели.

– Почему вы сразу паникуете? Может, он закатился куда-нибудь с девчонками и сейчас попивает винцо и развлекается на полную катушку, – забросил я наживку.

Но Иероним Балаганов тут же отмел мои слова как клевету на пресс-конференции:

– Это невозможно. У него же семья. Я усмехнулся:

– У многих семья, а гуляют. Не мне вам объяснять прописные истины.

– Да я знаю, – господин Чистоплюй внезапно сник, – но не в этом случае. С Исаичем такой номер не пройдет.

– Не пройдет так не пройдет, – с легкостью согласился я.

Раздался еле различимый скрип двери, но от этого скрипа Иероним Балаганов подскочил, словно по нему шарахнули в упор из гранатомета. В кабинет заглянул Гонза.

– Проходи, – потребовал я и обратился к Иерониуму Балаганову: – Позвольте вам представить, мой напарник и компаньон – Гонза Кубинец.

Господин Чистоплюй немного успокоился и внимательно изучил вошедшего Гонзу. Увиденным он остался удовлетворен. Обычная, ничем не примечательная внешность среднего мужчины среднего класса в среднем заштатном городишке. Этаким господином N из уездного городка Энска.

Гонза занял голубое кресло за своим рабочим столом,

примыкавшим к моему перпендикулярно, и включил компьютер, а также звукозаписывающую аппаратуру. Мы записываем любой разговор с посетителем, независимо от того, будет он нашим клиентом или так и останется человеком с улицы.

– Итак, мы остановились на вашем утверждении, что Роман Исаевич Романов, ваш компаньон, три часа назад пропал, – повторил я для протокола.

– Точно так. Истина ваша. И я уже очень волнуюсь.

Гонза посмотрел на меня вопросительно, но я проигнорировал его взгляд.

– Так почему же вы отрицаете возможность, что ваш напарник просто поехал отдохнуть, позабыв вас об этом предупредить?

– А вы считаете возможным, чтобы человек, обязанный заключить контракт на сумму, превышающую десять миллионов рублей, просто забыл об этом досадном факте и отправился покутить с девочками? – с внезапно проснувшейся агрессией спросил Иероним Балаганов.

– Десять лимонов, конечно, меняют дело, но, может, у него были на то свои причины. Не желать контракта.

– Мы работали на этот контракт последние полгода. Он спал и видел, что заключит его, а вы мне толкаете невесть что.

– Отлетает, – спокойно согласился я. – Теперь расскажите подробно о вашем компаньоне, о контракте и о возможных

врагах. В общем все, что сочтете нужным.

Иероним Балаганов опасливо посмотрел по сторонам и вкрадчиво поинтересовался:

– Вы меня пишете?

– Безусловно. Это необходимо, – внезапно подал голос Гонза.

– Хорошо. Ладно, – пробормотал господин Чистоплюй, уговаривая себя.

Его нерешительность, скорее, говорила об апатии, связанной с давно вынашиваемым и упущенным в последний момент контракте, чем о расстройстве с исчезновением компаньона. И я его понимал.

– Мы должны были заключить контракт с компанией «СОРОК ин». Суть контракта состояла в продвижении компании на российский рынок.

– Чем занимается компания «СОРОК ин»? – поинтересовался я.

– Самый высокий уровень лифтового оборудования для гостиниц, а также их техническое обслуживание, – ответил Иероним Балаганов.

– А вы представляете какую компанию?

– «Седуктиве Бед». Нам принадлежат гостиницы «Астория», «Петер-хаус» и «Еврохотель». Но не в этом суть. Я на сто процентов уверен, что исчезновение моего компаньона никак не связано с этой деятельностью. Слишком уж тогда необъяснимо выглядит его исчезновение.

– Для раскочки у меня есть два вопроса. Вопрос первый... – Я выдержал минутную паузу, когда-то ведь играл в театре в современной постановке «Гамлета». Моя роль была короткой, но зато лаконичной. Я играл бедного Йорика, вернее, его череп. – Была ли у Романа Романова охрана?

– Естественно. Человеку такого положения не иметь охраны просто смешно.

– В этот раз, когда Романов выехал из дома, охрана была?

– Целый катер сопровождения. Человек восемь.

– И как же тогда он умудрился исчезнуть? Куда смотрели сопровождающие? – настал мой черед изумляться.

– Я сам не знаю, – подавленно произнес Иероним Балаганов. – Исаич ехал первым в своем катере представительского класса. Не очень скоростной «бентли». Медленная машина, но он ее любил. Охрана следовала за ним в скоростном полицейском катере «чероки». Шеф охраны божится, что сам помогал сесть в катер Исаичу. Нигде катер не чалился, но, когда приплыл на служебный паркинг...

– Где это? – спросил Гонза.

– Мы держим офис в Адмиралтейском РАЕ, – не обращаясь на Гонзу, ответил господин Чистоплюй. Похоже, он принял Кубинца за моего секретаря. Отчасти в этом была крупница правды. – Когда же катер оказался на служебном паркинге, охране пришлось попотеть. Из катера никто не вышел. Сперва шеф службы безопасности приказал ждать. До встречи с представителями «СОРОК ин» оставалось еще со-

рок минут, а что могло взбрести в голову Исаичу, кто его знает. Человеком он был взбалмошным, с изрядной придурью. Но когда спустя полчаса никто так из катера и не появился, охрана начала паниковать. Шеф отправился к катеру Исаича. Вошел на борт...

– Но никого в катере не обнаружил, – предположил я.

– Так и было. Истинно так. Никого. Шеф безопасности не поддался панике. Он тут же оповестил меня.

– Отсюда вытекает второй вопрос: почему вы обратились к нам? У вас есть собственная служба безопасности. Так же напомним, что имеется в городе и полиция. Почему вы не обратились в органы?

– Я не хочу, чтобы факт исчезновения Романова стал всеобщим достоянием. Это может повлечь ряд финансовых проблем для нашей компании. Поэтому я не обратился в полицию. А внутреннюю службу безопасности я также не могу задействовать практически по этим же причинам. Только тут добавляется нежелание возможной паники в компании. Шеф безопасности сообщил охранникам, сопровождавшим его, что Исаич покинул катер возле дома. Сперва он решил ехать, а потом покинул катер, но программу не изменил и никого не оповестил.

– И они поверили в этот идиотизм? – не смог сдержать изумление Гонза.

– Пришлось. Не везде так платят, как мы.

– Значит, вы не хотите огласки и поэтому обратились к

нам? – переспросил я.

– Именно так.

– Тогда, чтобы мы решили, братья нам за это дело или нет, стоит обговорить две вещи: мы должны знать все о Романове Романе Исаевиче. Все, что вы посчитаете нужным нам сообщить, это во-первых. А во-вторых, сумма нашего гонорара.

– Это не проблема. Каковы ваши обычные расценки?

Я нахмурился, пытаюсь сориентироваться. Заказа такого уровня у нас еще не было. Так что сравнивать не с чем.

– Все зависит от... времени, которое мы затратим на вас...

– А как быстро вы сможете его найти? – задал встречный вопрос Иероним Балаганов.

– Это зависит от объема полномочий и информации, которую вы нам предоставите, – уклончиво ответил я.

– Полная свобода в доступе к информации и неограниченные ресурсы. Только найдите его.

– В каком виде рекомендуется его найти? – осторожно поинтересовался я, понимая, что, вполне возможно, Романова Романа в живых уже нет.

– В любом. Только если он мертв, я хотел бы узнать, кто его убил. Мне не нужны доказательства, только убедите меня, что убил именно этот человек, и никто иной. И все. И никому. Ни в полицию, никуда.

– Я хотел бы, чтобы вы поняли, мы не можем гарантировать, что его найдем.

– У вас отличная репутация. Если не сможете найти вы, не сможет никто.

– Тогда пять тысяч рублей в качестве стартовой цены, – решил я и назвал цену, соотнеся ее с высоким статусом объекта поиска.

Этих денег хватило бы, чтобы подправить наш пошатнувшийся бизнес.

– Десять, – откликнулся Иероним Балаганов. – Я хочу, чтобы вы посвятили этому делу все свои возможности и способности.

Я увидел, как алчно облизнулся Гонза.

– С ценой условились, – согласился я. – Теперь расскажите мне все, что считаете нужным, о Романе Исаевиче Романове, включая любые мелочи. Для работы пригодится каждая деталь.

– Кстати, а он не родственник императорской фамилии? – поинтересовался Гонза.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Романов Роман Исаевич принадлежал к императорской фамилии, но был, что называется, седьмая вода на киселе, да и то потомок незаконнорожденного отпрыска великого князя Константина Николаевича, прижившего младенца от горничной в возрасте шестнадцати лет. Так что ныне царствующему императору Петру IV он приходился таким далеким родственником, что о существовании Романа Романова император, похоже, и не подозревал. По крайней мере, отцу Романа Исаю, всю жизнь мыкавшемуся от зарплаты до зарплаты, никто из царствующей ветви не предложил помощи по-родственному. Роману Исаевичу приходилось надеяться только на собственные силы, вскарабкиваясь по жизненной лестнице, и он вскарабкался.

Иероним Балаганов не углублялся в подробности карьеры компаньона. Упомянул только, что знакомы они порядочно. Высидели диплом о высшем юридическом образовании в Петропольском университете имени Ломоносова, после чего оба поступили служить в прокуратуру, откуда уволились через два года и замутили собственное дело, скопив порядочно денег за годы беспорочной службы. Балаганов опустил историю происхождения начального капитала, но у меня не оставалось сомнения, что взошел он на коррупционной ниве, впрочем, я мог ошибаться, как заблуждался Исаак Нью-

тон до того, как огреб яблоком по голове.

Бизнес раскрутился, влились зарубежные инвестиции, но во главе пирамиды продолжали оставаться Иероним и Роман – два столпа компании «Седуктиве Бед». Компания процветала и достигла такой высоты, когда конкуренты становятся неопасны, вернее, действуют другими методами, нежели шантаж, угроза расправой, похищение, и методы эти чисто экономические, ну, в крайнем случае, заказное убийство.

В отличие от деловой части жизни личная складывалась у Романова Романа далеко не столь безоблачно. Два брака. Первый закончился в психиатрической лечебнице, куда по решению суда поместили Иоланду – жену Романова, после того как она исполосовала кухонным ножом няньку и годовалого ребенка. Экспертиза постановила – шизофрения. Малыша спасти не удалось. Няня после выписки из больницы постриглась в монахини.

Второй брак также оказался неудачным. Прожив с нынешней женой десять лет, Роман Исаевич балансировал на грани развода.

Но я чувствовал, что в этой стоялой воде рыбку истины не словить, поэтому углубляться в особенности семейной жизни Романова Романа не стал, оборвав господина Чистоплюя на полуслове вопросом:

– Вы не заметили чего-нибудь странного в поведении Романова в последнее время?

– Точно, заметил. – Иероним Балаганов подскочил в крес-

ле. – Совсем об этом забыл. Только сейчас, когда вы сказали, вспомнил. Была странность. Точно. Истинно так.

Господин Чистоплюй уставился на меня, обрел вид задумчивого Будды, созерцающего туманные вершины, и, казалось, забыл, кто он, зачем и как здесь оказался.

Я смиренно ждал две минуты, пока он отомрет, но клиент не возжелал возвращаться к внешнему миру, углубившись в самосозерцание. Гонза строил грозные гримасы, призывая меня к активному действию и показывая, что именно я должен сделать.

Но приступ оцепенения прошел сам собой. Осмысленность вернулась во взгляд Иеронима Балаганова.

Он дважды моргнул и вопросительно посмотрел на меня.

– Я что-то...

– Да, – подтвердил я его невысказанную мысль. – Вы хотели сообщить, что странного было в поведении Романова.

– Точно. Истинно так, – безвольно согласился он. – Исаич последний день ходил какой-то подавленный, тусклый. Таким он был, когда Иоланда устроила мясорубку в его доме...

– Первая жена? – уточнил я. Господин Чистоплюй кивнул.

– Он не походил сам на себя. Все время о чем-то бормотал себе под нос. Долго не вылезал из Сети. Обычно он не интересовался Интернетом. Только деловая переписка, а тут новостные сайты все проштудировал, причем упор делал на странички, где содержались даже не новости, а сплетни о жизни нашего города. Зачем бы это он стал тратить свое

драгоценное время на такую ерунду? В общем, не такой он был, как обычно. Это почувствовали все. Я прямо спросил его: «Исаич, какие проблемы?» А он отмахнулся и сослался на близящийся развод. Эта сучка Вика все соки из него высосала. Тогда я удовлетворился этим ответом, но сейчас думаю, что не так прост портрет, как его малюют.

Господин Чистоплюй перевел дух и словно бы изготовился вновь погрузиться в состояние отрешенности, как вдруг что-то вспомнил:

– Он все время крутил какой-то компакт в руке.

– Музыка? – подбросил вопрос Гонза.

– Нет. Вряд ли. Он его не выпускал из рук. Скорее диск для компа.

– Этот диск нашли? – спросил я.

– Нет. Нигде нет. Ни в офисе. Ни на катере. Видно, пропал вместе с Романовым. – Иероним Балаганов умолк.

Я прикрыл глаза и задумался. Картина не прорисовывалась. Я не видел ключевого фрагмента, но дело меня занимало. Пропавший на виду у всех человек, история прелюбопытнейшая.

Я бросил взгляд на Гонзу и прочел в его глазах тот же азарт, что снесдал меня.

– Мы беремся за это дело, – озвучил я наши с Кубинцем мысли.

– Великолепно. Я не сомневался в вашем решении, – изрек господин Чистоплюй.

– Для начала вы должны прислать к нам в офис персональный компьютер Романова, за которым он последний день работал. Только не трогайте его. Наш специалист покопается, попытается извлечь что-нибудь полезное, – отдал я распоряжение, но Иерониму Балаганову оно не понравилось.

– Дело в том, что в компьютере содержится важная, я бы сказал, конфиденциальная информация, связанная с деятельностью фирмы, – вкрадчиво заявил он.

– Не беспокойтесь, ни байта не утечет из этого офиса, – пообещал я. А Гонза добавил:

– Если хотите, мы можем дать расписку о неразглашении.

– Нет, – отказался господин Чистоплюй. – Что мне ваша расписка.

Он извлек из внутреннего кармана костюма изящную кожаную записную книжку, отстегнул ремешок крепежа и золотым «паркером» вписал мой заказ.

– Через два часа компьютер со всем обеспечением...

– Достаточно жесткого диска, – поправил я.

– Будет у вас.

– Дальше. – Я покопался в памяти и извлек мысль, помеченную ярлычком «!». – Почему с вами не приехал шеф безопасности?

– Он не в курсе, что я собрался к вам.

– Нам важно с ним поговорить плюс осмотреть катер, откуда исчез Романов...

– Он на служебном паркинге под охраной. В любой мо-

мент можете подъехать и осмотреть. Я предупрежу ребят. – Иероним Балаганов продиктовал Гонзе адрес. – Я предупрежу Плавникова – это наш шеф безопасности, – чтобы он явился к вам в офис.

– Это не обязательно, – отказался я и посмотрел на Кубинца. – Гонза, поедешь с господином Балагановым, поговоришь с Плавниковым, осмотришься на месте. Может, что важное подцепишь.

Гонза кивнул.

Иероним Балаганов извлек из карманчика записной книжки прямоугольник картонки и протянул его мне.

– Моя визитка. В любое время дня и ночи.

Я положил визитку под пресс-папье, предварительно вбив телефонный номер господина Чистоплюя в память сотового.

Иероним Балаганов достал чековую книжку, выписал чек на пять тысяч рублей задатка и протянул его мне. Чек откочевал в сейф, стоящий у меня под столом. Я кивнул Балаганову, и он выбрался из кресла и проследовал в холл. Гонза задержался у моего стола. Я извлек из сейфа девятимиллиметровый пистолет «питон» в кобуре и протянул его Кубинцу.

– Разрешение с собой?

– Обижаешь, Даг, – протянул Гонза.

– Все сам понимаешь. Инструкцию читать не буду. Действуй по ситуации.

Гонза скинул пиджак, приладил кобуру под мышку, заты-

нул ремни и, на ходу всовывая руки в рукава пиджака, вышел. Я проводил его взглядом, поднялся из-за стола, подхватил нечитанные газеты и вышел в холл – проводить.

Закрыв за Кубинцем и господином Чистоплюем дверь, я включил сигнализацию на случай, если кто-то попытается вскрыть дверной замок, пока я буду отсутствовать, и направился к лифту, в один миг опустившему меня в широкий подвал, где по моему заказу строители оборудовали маленький домашний пивоваренный заводик. Каждый имеет право на увлечение. Моим увлечением было пивоварение.

В подвале пахло хмелем и болотной сыростью. «Откуда же сырость?» – взволновался я, но тут же определил, что сыростью исходил мох, специальный болотный мох (два мешка), привезенный для меня из Ирландии. Я заказывал мох для ирландского красного сорта, к приготовлению которого намеревался приступить сразу же по переезде, но ирландское красное откладывалось на неопределенное время. В связи с заказом у меня не оставалось ни одной лишней минутки для подготовки и приготовления этого шедевра пивоварения. Мешки со мхом стояли в углу, напротив непомерно длинной платформы, накрытой стеклянным колпаком, где сушился зеленый солод для темного пива. Я проверил температуру под колпаком, обогнул платформу и двинулся мимо длинных рядов стеклянных темных бутылок, где дозревало пиво, сваренное мною еще в старом доме и с трудом перевезенное на новое место.

Я задержался только возле рабочего стола, опустился в черное кресло, подхватил трубку телефона и набрал номер. Ответа долго ждать не пришлось.

– Ирисов слушает. – Голос раздался с трубки спустя четыре гудка.

– Иван, привет, это Даг, – представился я, ощущая легкое раздражение. Иван был приятным типом, но каждое посещение им нашего дома заканчивалось тем, что откупоривались пивные бутылки, причем он норовил ухватить новые, экспериментальные сорта. – Срочно требуется твоя помощь. К нам привезут винчестер. Надо бы его посмотреть. Поподробнее. Самим некогда. Так что мы на тебя рассчитываем.

– Когда? – коротко поинтересовался Иван Ирисов, видно уже предвкушая дегустацию пива.

– Часика через два.

– У меня машина не на ходу.

– Возьми такси. Оплатим, – пообещал я.

– Такса обычная, – предупредил Иван Ирисов.

– Кончай торговаться. Выезжай, – потребовал я и повесил трубку.

Выбравшись из-за стола, я подошел к бочкам, поставленным друг на друга, выбрал чистую кружку, подставил ее под кран, нацедив полную, дождался, пока усядется пена, добавил еще пива и с превеликим удовольствием в четыре глотка опустошил.

Вернувшись к столу, я распотрошил газеты и просмотрел

заголовки. «Амнистия в Чечне», «Президент Латвии собирается в Санкт-Петрополис», «ССША не удалось навести порядок в Афганистане», «Джордж Сорос избавляется от красных долларов». Ничем не заинтересовавшись, я пролистал газету, остановился взглядом на статье о реставрации мечети на Кронверкском канале и, не обнаружив тут для себя ничего интересного, отправил газету в мусорную корзину. Туда же отправились «Известия» и «Дом Романовых». Покончив с прессой, я просмотрел распорядок дня. На сегодня предполагалось начать фильтрацию суслу для темного по английскому рецепту с добавлением еловых иголок. Этот рецепт я еще не пробовал и очень волновался за качество продукта.

Так же я заметил в ежедневнике запись о покупке нового гидрозатвора – третьего по счету, упоминание о намеченном звонке в ресторан «Эсхил-ХР», куда я поставлял свое пиво, где оно расходилось по высокой цене, и вечерний выход в Мариинку на «Царя Эдипа».

Выезд в Мариинский театр я никак не мог пропустить. Идея принадлежала не мне, а Ангелине. Я видел ее последнее время так редко, что наши встречи за месяц легко уместились бы в обеденный перерыв в каком-нибудь дорогом бутике на Невском канале. Я хотел загладить свою вину, хотя и знал, что Ангелина вне себя. Мне пришлось долго ее уговаривать, чтобы выбраться куда-нибудь. В конце концов она выбрала Мариинку, юбилейную премьеру – последний балет Чайковского в новой постановке Сафутдинова. Но продол-

жала дуться. Я знал средство от ее обиды – верное и сногшибательное. После Мариинки я проложил наш маршрут через ресторан «Эсхил-ХР», где собрался подарить Ангелине кольцо с бриллиантом и предложить руку и сердце. Она давно его ждала, что ж, не стоит обманывать надежды юной женщины. В конце концов в нашем доме вполне найдется место для еще одного человека. Правда, с ее появлением придется нанять повара. Кухня давно пустует. До сего момента на поваре мы экономили. Готовили, что могли. Такой расклад событий мне уже давно казался неправильным.

Отметив в памяти, что у Ангелины я должен быть в шесть вечера, я отправился за сулом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В дверь позвонили спустя два с половиной часа. Звонок в подвале оповестил меня о визитерах. Я с огромным неудовольствием оторвался от температурной таблицы, куда вносил новые данные, отбросил наброски рекламных проспектов для серии «ТУРОВСКИЙ» – эту пивную серию предложила выпустить компания «Очкарев и К°». Согласие мое они получили, но с существенными оговорками. Они получили право использовать рецептуру, но исключительно под моим контролем.

Отложив таблицы и проспекты, я направился к лифту, поднялся наверх и, пройдя холл, посмотрел в глазок. На пороге мялся незнакомый мне человек с коробками, выгруженными из катера. Катер качался на волнах, пришвартованный к нашему причалу. Я увидел, что к причалу приближалось такси.

Я открыл дверь и вопросительно посмотрел на визитера.

– Я от Иеронима Карловича. Он просил передать вам вот это.

Визитер небрежно показал кончиком ботинка на коробки.

– Вносите, – приказал я, сторонясь.

Причал принял такси, из которого появился Иван Ирисов – помятый и небритый, с глубокими черными кругами под глазами от недосыпа.

– Ты вовремя, – приветствовал я его.

Обменявшись рукопожатиями, я пропустил его в дом. Задев коробки, Ирисов издал сдавленный смешок и спросил:

– А что, винчестер, слабо было снять?

– Видно, некому руки приложить, – пояснил я, выпуская визитера и запирая дверь. – Проще оказалось все упаковать в коробки и прислать.

Вдвоем мы пронесли коробки в малую гостиную.

– Разберешься без меня, – распорядился я.

– Ноу проблем, – отозвался Ирисов, увлеченный распаковкой коробок.

– Я собираюсь покинуть дом. Ты останешься один. Раскошегуй диск как можешь. Мне нужно все, что можно извлечь из этого компа. Известно точно, что хозяин последнее время часто сидел в Сети, мне нужен полный перечень сайтов, куда он забирался – есть возможность, сохрани все документы, что содержатся в папке временных файлов Интернета. Уяснил диспозицию?

– Полностью.

– Я тогда поехал. Может, Гонза появится. У него есть ключ, так что не шухерись и не звони девятьсот одиннадцать, что в дом грабители лезут. Не думаю, что Кубинцу понравится твой юмор.

Иван Ирисов промолчал. Он уже погружался в работу, а когда заполнял себя рабочими задачами, то тут хоть из пуш-

ки пали у него над ухом, не услышит. Но я не удержался и заметил:

– Только держись подальше от подвала. Там пиво не про твою честь. Все по вечеру. Я, конечно, понимаю, что пиво – жидкое счастье, но удержись от эйфории. Потребление счастья в одиночку сродни любовным утехам без участия женщины.

Если бы знал, что вечером все так обернется, возможно, я и не покинул бы дом в этот день, предпочтя уличной сырости тепло библиотеки или пивоваренного подвала. Но все обернулось так, как обернулось. И видно, в этом судьба. Мойры – коварные женщины. Им палец не показывай, голову откусят напрочь.

Я вернулся в кабинет, прихватил из сейфа пистолет. На всякий случай. Кто знает, что в пути приключиться может, а тут надежное подспорье. Да с ним и поспокойнее будет. Проверил наличие кредиток в бумажнике и запер сейф. Теперь осталось только снять катер с сигнализации, а сделать я это мог только с центрального компьютера, находившегося на втором этаже в кабинете, где я изредка – лишь находилось время – уединялся для бумажной работы со счетами, над книгой по пивоварению или читая фолианты из весьма обширной библиотеки.

Взбежав по лестнице, покрытой изумрудного цвета ковром, я миновал длинный холл и распахнул дверь в кабинет. Что-то изменилось. Я почувствовал изменение и насто-

рожился. В кабинете кто-то побывал. Чужой. Присутствие вторжения витало в воздухе. На него указывали сдвинутые в книжных шкафах тома. Кто-то бродил по кабинету и искал. Нет. Не искал. Это вряд ли! Скорее кабинет наводнили жучками. Может, поставили в комп «Траяна». Стоило проверить.

Я на цыпочках прокрался в холл, вернулся к лестнице и с сотового дотянулся до Ивана Ирисова.

– Ваню, поднимись на второй этаж, – попросил я и отключился.

Ирисов появился через несколько минут – весьма недовольный и всклокоченный.

– Какого... – начал было он, но я оборвал его:

– Внимательно посмотри комп в кабинете на предмет вирусов.

– Чего? – насторожился он.

– Нас кто-то навестил. Ирисов кивнул.

– Только не болтай. Все молча. Если сможешь и это «Траян», перенаправь его, пусть гонит туфту. Заодно: у тебя кто-нибудь по жучкам есть?

– Сам посмотрю? В кабинете?

Я пожал ему руку, хлопнул по плечу и направил его легким толчком в спину к кабинету.

Своим катером воспользоваться я не мог из-за сигнализации «Ватерлиния» – очень хитроумной системы. Когда катер причаливает к домашнему пирсу, к корпусу в районе специ-

альных люков, которые пришлось специально под систему прорезать, присасываются выдвижные трубы. По ним трюмные отсеки заполняет вода. Катер чуть притапливается и в таком положении не способен на передвижение. Вода не поднимается в каюту, поскольку резервуар, куда затекает вода, изолирован от всего остального пространства катера. Команду на залив воды можно отдать только с катера, а с компьютера в кабинете на втором этаже подтвердить. Но включить откачку воды из катера и задраить шлюзовые люки можно также только из кабинета, а мне временно это было недоступно.

Оказавшись на причале возле парадного входа, я через канал всмотрелся в набережную, укутанную туманом.

В это время года туман в Петрополисе также обыкновенен, как перекати-поле где-нибудь в степях Средней Азии. Сквозь туман пробивался гигантский цифровой экран, возвышающийся на крыше шестиэтажного здания, украшенного вывесками офисов и представительств. Изображение, транслируемое с экрана, туман вымывал, разрушая целостную картинку, но я не стал приглядываться.

Мне требовалось срочно попасть в район Адмиралтейского РАЯ. А сделать это мог, только заказав такси, что я и сделал, воспользовавшись сотовым телефоном.

С цифрового экрана на меня взглянул Киану Ривз из сиквела нашумевшего тремя годами раньше блок-бастера «Матрица». Стоило бы сходить, да только что подкинутое

дельце, похоже, проходило по категории «В. О.», что означало «Весьма Опасное», а такие дела никогда не решались в течение двух часов. На них тратилось от недели до месяца, правда, помнится, однажды мне пришлось выкинуть полгода жизни, чтобы разрешить загадку утраченного завещания.

Такси появилось через десять минут. За это время я успел измерить причал шагами раз десять. Обычно такси не опаздывало, но только не в этот раз. Десять минут для срочного вызова – полное нахальство.

– Пробка на Каменноостровском, – ответил на незаданный вопрос водитель, лишь только я переступил на борт катера.

– Адмиралтейский РАЙ, 12, – сообщил я адрес.

– Вмиг домчим через Васильевский, – пообещал он, отчаливая.

Катер плавно набрал ход и, рассекая волны, устремился прочь от моего дома.

Я задумчиво уставился в стекло. Водитель прочитал мое настроение и за всю дорогу не проронил ни слова, что для таксиста удивительно.

Я не различал пейзаж, пронесившийся за окном. Он слился для меня в сплошное цветное пятно, разбавленное молоком. Только когда мы пересекали Неву, взгляд задержался на памятнике капитану Никольскому и старшему офицеру Ограновичу. Они плечом к плечу гордо возвышались по центру Невы на пяточке суши, окруженной золотыми цепями и

маленькими стилизованными пушечками, нацеленными на Дворцовую площадь. Надпись на постаменте памятника гласила: «Всегда на страже!» Эти слова я различил даже сквозь туман.

Капитан первого ранга Никольский и старший офицер Огранович – именно благодаря этим двум героическим людям провалился октябрьский бунт 1917 года, когда два командирских катера под красными флагами подошли к Дворцовой площади. Катера шетинились штыками бунтовщиков. Революционеры стремились свергнуть Временное правительство, готовое отдать власть в руки малолетнего царевича Алексея, избавленного Божьим чудом от гемофилии.

Алексей Николаевич вместе с отцом, матерью и сестрами накануне вечером прибыл в Петрополис и расположился в Зимнем дворце, готовясь принять помазание на царство. План большевиков был прост. Воспользоваться анархией, царившей в гарнизонах и караульных службах Зимнего, захватить дворец. «Царевича с семьей и всех временных на месте без суда и следствия» – этот приказ был зачитан каждому бунтовщику лично. Поговаривали, что исходил он от самого Владимира Ленина. В то время как два катера атаковали Зимний, революционеры должны были захватить ключевые здания в Петрополисе – почту, телеграф, телефон. В это время провокаторы в солдатских казармах готовили почву для армейской поддержки. Такие агитаторы имелись и на крейсере «Аврора», находившемся под командованием ка-

питана первого ранга Никольского. Но матросы не пошли за сомнительными посулами большевиков. Все как один встали на сторону монархии, правда, был десяток отъявленных – так их мигом скрутили вместе с большевистским смутьяном и посадили под арест. Провал захвата «Авроры» стал первым камешком в обвале всех планов большевиков. Они планировали, что крейсер, перешедший под их командование, поддержит наступление на Зимний огнем. Даст несколько залпов по дворцу. Но вместо этого по приказу капитана Никольского крейсер «Аврора» открыл прицельный огонь по подозрительным катерам, замеченным старшим офицером Ограновичем. Катера шли под красным флагом, принятым у большевиков, от того и казались подозрительными. Прямыми попаданиями снарядов катера были потоплены. Шанс захватить власть большевики продули подчистую. А вскоре политика, проводимая Алексеем II, вывела Россию на новые рельсы" процветания, где идеи большевизма отпали сами собой за ненадобностью.

Всю эту историю в подробностях я узнал только после того, как началось строительство памятника Никольскому и Ограновичу. Теперь же история пронеслась у меня перед глазами. Два года назад было много споров – стоит ли устанавливать памятник. Но все же установили. Монумент был подарком городу к юбилею от нынешней столицы Российской империи – Москвы. Император Алексей II, невзлюбивший Петрополис за преступное равнодушие жителей к низ-

ложению его отца, за попытку уничтожить его и сестер, перенес столицу в купеческую Москву. Автором мемориала выступил виднейший придворный архитектор Зураб Церетели. Жители же Петрополиса пока относились к подарку理所当然, хотя уже завелась традиция у молодоженов заезжать к памятнику и класть на постамент цветы.

От мыслей о памятнике меня оторвала громкая ругань таксиста и резкий вираж. Нева в этот час немногочисленна. Малое количество катеров, шедших на больших скоростях, невзирая на правила водного движения. Один из крупных джипкатеров пытался взять такси на таран. Он вырулил из-за памятника и устремился к нам наперерез. Только реакция водителя спасла нас от гибели.

– Совсем сволочи охренели! – заорал водитель.

– Жми! – поддержал я его ор.

Вторая странность за тот короткий отрезок, что прошел с момента, как Иероним Балаганов переступил порог моего офиса. Озарилась мысль. То, что нападение на меня и проникновение в кабинет в офисе увязано с открытием дела, а соответственно и с исчезновением Романа Романова, я уже не сомневался. Похоже, у памятника нас ждали. Значит, кто-то пас меня от дверей агентства.

Джипкатер, разминувшийся с бортом такси, заходил на второй вираж, явно намереваясь пустить меня ко дну.

– У тебя окно открывается?! – прокричал я водителю.

Но он не ответил. Не расслышал моих слов за шумом по-

гони.

Я выдернул из плечевой кобуры пистолет и, ухватившись за дуло, высадил рукоятью стекло.

– Ты чего там творишь, ерш мазутный? – тут же отозвался таксист, пытаясь оглянуться и одновременно увернуться от надвигающегося джипкатера.

– Следи за водой, – посоветовал я, обстукивая острые осколки стекла, торчащие по краям.

Высунувшись в окно, я схватил пистолет двумя руками, навел на джипкатер, тщательно прицелился и нажал спусковой крючок. Целился я в лобовое стекло, в то место, где должен располагаться водитель. Джипкатер юлил, точно взбесившийся гусь, но после трех пуль, ушедших в молоко, мне повезло. Я не разглядел, удалось ли мне поразить водителя джипкатера, но, судя по тому, как закрутилось судно, оно явно осталось без управления. Мы выиграли время – этим не преминул воспользоваться таксист, разгоняя катер и направляя его к Дворцовой площади.

– Совсем оборзели, отморозки! – ругался водила.

А я задумался. Какой резон нападать на меня, пытаться устранить, в то время как человек, проникший в кабинет на втором этаже офиса, старался не оставить следов. Какой смысл? Ведь можно было попытаться устранить меня прямо в офисе, тем более в это время в целом доме никого, кроме меня, не было. Если уж удалось проникнуть в офис, какой резон нападать на открытом пространстве в Неве, где все,

что происходит, тут же будет достоянием полиции.

Напрашивался один вывод – тот, кто напал на меня на Неве, и тот, кто пробрался в дом, принадлежат к разным группам, расходящимся во мнении по ключевым позициям.

Опять же казалось странным, зачем убивать человека, который еще ничего предпринять не успел, ни шага, ни полшага не сделал на пути расследования?

Вопрос оставался безответным.

Ясно было одно – мы схлестнулись с сильным противником. И о судьбе Романа Романова у меня уже не оставалось сомнений.

Рыб где-то кормит.

– Нет. Вы посмотрите. Ну, суки же, – оторвал меня от размышлений сокрушающийся водитель. – Когда не нужны, их как собак нерезаных. На каждом шагу по своре. А когда понадобятся, днем с огнем, как говорится, не найти. Хоть из гранатомета по Зимнему пали.

– Ты про кого? – спросил я. – Про синемундирных. Козлов водяных. А ведь точно подмечено – на всю Неву ни одного патрульного катера. Такое ощущение, что их специально отозвали с постов, чтобы не мешались под килем бандитов из джипкатера. Забавная ситуация!

– Кто мне за стекло заплатит? – переключился водила с одного объекта ворчания на другой. – Ведь я же не могу из своей зарплаты за каждого платить.

– Помолчи. Голова болит, – вежливо попросил я и доба-

вил, чтобы избежать нового всплеска эмоций: – За стекло получишь. Только поторопись. Мы и так подзадержались.

Ответ таксиста устроил. И до Адмиралтейского РАЯ он доставил меня в мгновение, да притом в полном молчании.

Расплатившись с водилой, я занес сумму, выделенную за стекло, в реестр расходов и неспешной походкой двинулся в сторону центрального входа.

На проходной о моем возможном появлении были предупреждены. Секьюрити связался с Иеронимом Балагановым – офис его компании занимал восемь верхних этажей – и сообщил о моем прибытии, с каменным лицом впитав слова, сказанные ему в ответ, и неспешно положил трубку.

– Ждите!

Я обернулся, осмотрел просторный холл размером с три футбольных поля – весь в зеркалах и мраморе, выбрал ближайшее ко мне кресло и лениво занял его.

Спустился ко мне сам Иероним Балаганов в окружении свиты из четырех охранников и Гонзы Кубинца, имевшего разочарованный вид и грызшего незажженную трубку, которую, впрочем, никогда не раскуривал.

– У нас неприятность, – сообщил господин Чистоплюй.

– А у меня до хрена неприятностей, – парировал я. – Скажите, у вашего кореша, случайно, хобби не было – надевать осиные гнезда друзьям на голову?

– Что вы имеете в виду? – сурово спросил Иероним Балаганов.

Я вкратце поведал о своих злоключениях господину Чистоплюю, а также не преминул указать текущую сумму расходов. Иероним Балаганов с достоинством выслушал мой рассказ. Ни один мускул не дрогнул на его каменном лице. Похоже, он уже понимал, что шансов увидеть Романа Романова у него нет.

– Ну а что приключилось у вас? – поинтересовался я.

– Шеф безопасности повесился, – ответил мне Гонза Кубинец.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Адмиралтейский РАЙ являлся самым престижным и дорогим районом города. Мог ли вообразить себе Петр 1 в 1704 году, когда набросал чертеж здания, во что выльется его затея. Ныне здесь в шести небоскребах, крыши которых соединялись трехэтажным перекрытием и держали на своей спине адмиралтейский кораблик десяти метров в высоту, располагались офисы и представительства крупнейших компаний Санкт-Петербурга. Неудивительно, что «Седуктиве Бед» оттяпало себе восемь этажей. Соответственно статусу. Адмиралтейский РАЙ окружал полукольцом старое здание Адмиралтейства, вернее, ту часть, что сохранилась, – со шпилем и маленьким корабликом.

Господин Чистоплюй сам вызвался проводить меня к паркингу, показать «бентли» Романова. Свита увязалась за ним. Всю дорогу по первому застекленному этажу здания все молчали. Даже Кубинец не раскрывал рта, посасывая холодную трубку. Так мне и не удалось узнать подробности самоубийства Плавникова. Иероним Балаганов удосужился только сообщить, что шеф безопасности повесился в собственном кабинете. Он обнаружил его вместе с Кубинцем. И все! Правда, Гонза подмигнул, прозрачно намекая, что все важное занес в рабочий блокнот. Что ж, спасибо и на этом! Да вот подозрительным мне показался столь поспешный суицид. Конечно,

шеф безопасности отвечает за сохранность клиента, но ведь пока не доказано, что клиенту был причинен убыток, какой может быть спрос.

Мысли чуть замедлились, а потом крутанулись далее, принося стойкое убеждение – Плавников что-то знал об исчезновении Романа Романова. Какая-то информация у него имела, но вот делиться ею он ни с кем не захотел. Да и к катеру Романова ходил один. Может, что ему и открылось. Требовалось срочно поговорить с Гонзой, а если беседа удовлетворения не принесет, то и место убийства и тело осмотреть.

Служебный паркинг размещался со стороны Невы.

Мы прошли первый стеклянный этаж насквозь и вышли к длинным и стройным радам пирсов, откуда открывался чудеснейший вид на здание Биржи, купающееся в морской пене, взбитой шейкером Посейдона.

Господин Чистоплюй двинулся вдоль пирсов.

– Тело Плавникова сняли? – нарушил я молчание.

– И уже вызвали полицию для фиксации смерти, – недовольно пробурчал Иероним Балаганов.

Паркинг категории «VIP» был отделен от других пирсов стальной перегородкой.

– Броня, – указал господин Чистоплюй. Возле широких двухстворчатых ворот с прямоугольной коробкой электронного замка стояли четверо мужчин в черных костюмах и очках, заложив руки за спину.

Такая же комбинация оказалась внутри.

– После исчезновения, – пояснял Иероним Балаганов, – мы перекрыли VIP-пирс. Сослались на неисправность в причальном механизме. Так что все в сохранности.

– Сколько человек имеют право здесь парковаться? – спросил я.

– Двадцать четыре, не считая меня и Романова.

– Утром, когда прибыл Романов, кто-то еще был в эллинге?

– Не в курсе. Плавников бы сказал точно. Восемь катеров стоит, но, когда их причалили, до прибытия Романова или до перекрытия шлюзовых ворот после исчезновения, этого я не знаю.

Мы остановились возле роскошного восьмиметрового катера ослепительно-золотой раскраски с округлыми бортами и двухэтажной надстройкой. Возле катера бдили четыре черных костюма с бейджиками охраны на лацканах.

– Мы вдвоем, – остановил я господина Чистоплюя, переступая на трап.

Иероним Балаганов помрачнел, но остался на причале.

Гонза последовал за мной.

Когда мы скрылись в капитанской рубке, я набросился на Кубинца с вопросами:

– Ну, что ты узнал?

– Убили Плавникова, Даг. Грубо и пошло, – сказал Кубинец. – Я все зарисовал. Даже одноразовый «кодак» на двенадцать кадров купил. Весь отщелкал. Так что сам посмот-

ришь. Но тут все однозначно. На шее след от укола. Глубокий след, будто ампулой выстрелили.

– Ты поделился с Чистоплюем своими мыслями? – опасно спросил я.

– С кем? – не понял Кубинец.

– С кем, с кем. С Балагановым.

– Оттого-то он такой и мрачный. Ему еще с полицией проблему решать.

– Замнет?

– Выхода нет, – обнадежил Гонза.

– Тогда за работу, как сказал римлянин, приколавывая осужденного христианина к кресту.

Рубку этого судна даже при полной слепоте скромной назвать было нельзя. Стены из красного калифорнийского дерева с антикварными золотыми светильниками. Лобовое стекло мутновато, точно внутрь подпустили молока. Перед ним пульт управления и два роскошных кресла. Напротив длинный диван с разбросанными по нему небольшими декоративными подушками. Неподалеку шикарная видеопанель на жидких кристаллах. Из стены выглядывал бар.

Вроде бы не на чем взгляду зацепиться. И не скажешь, что из этой рубки пропал человек. Никаких следов борьбы и поспешных сборов. Такое ощущение, что здесь живая душа не появлялась уже несколько дней. Если Романов и исчез отсюда, то добровольно и неторопливо.

– Забыл сказать, Плавников кому-то звонил перед смер-

тью, – вдруг протянул Кубинец. – Секретарши на месте не было. Ее срочно вызвали в бухгалтерию. Отсутствовала она два часа. За это время он несколько раз куда-то звонил.

– И в это время его могли спокойно убить, – закончил я мысль Кубинца.

– Вот именно, – поддакнул Гонза.

– Установить, кому звонил Плавников, можно?

– Нет. Аппаратура зафиксировала звонок, но определить номер не смогла.

– Полная и чудовищная задница, – выразился я в сердцах и опустил в водительское кресло.

– Абсолютно так, – согласился Кубинец.

– Смотрю, ты уже выражений поднабрался, – рассеянно заметил я, опускаясь в кресло.

Сидеть было как-то неудобно. Я поерзал, пытаюсь устроиться, но ощущение не пропадало. Такое чувство, что взгромоذيлся на семейство ежей.

Я выбрался из кресла и внимательнейшим образом его осмотрел. Кресло как кресло. Черное, кожаное, с высокой спинкой, удобными подлокотниками и белой каймой по низу. Не к чему придраться. Разве что к кайме. Уж больно странно смотрится. Я наклонился и стал ощупывать поверхность. Белая кайма при ближайшем рассмотрении и прощупывании явила неумелый и неаккуратный шов. Шили его не на фабрике.

Я ощутил прилив восторга. Клокочущее чувство, похожее

на морскую волну, нависшую надо мной. Первые капли срывались и разбивались о мое лицо. Только бы не захлебнуться. Не отравиться пьянящей эйфорией и не пропустить что-то важное, клочок, частичку, ключик.

Я неспешно распрямился и перевел дыхание.

Гонза уставился на меня, как таежный охотник, увидевший снежного человека из опустившейся летающей тарелки.

– Нашел? – не размыкая губ, спросил он.

– Что-то есть, – осторожно ответил я. – Сейчас посмотрим.

Кубинец затаил дыхание.

Я вытащил из пряжки брючного ремня короткий нож. Ремень два года назад подарил друг из Соединенного Королевства – бывший сотрудник Интеллидженс сервис. И я никак не мог нарадоваться подарку. Всегда при мне: компактен, удобен, незаменим. Неспешно опустившись на пол, я подпорол ножом белую ленту. Она отходила легко, как старая кожа со змеи. Под ней обнаружилась молния. Раскрыв ее, я стянул с кресла кожаный чехол. Под ним в сиденье находился лючок, ведущий в глубь кресла. Из-за замка на нем мне и было неудобно сидеть.

Гонза взирал на мои действия сперва с настороженностью, а затем с восхищением. Кубинец не остался в стороне и начал хищно лапать соседнее кресло.

Я уж грешным делом подумал, что Роман Романов исчез через кресло. Не принимая во внимание такое малое несо-

ответствие – кто потом возвращал чехол на место. Этот факт у меня что-то не зацепился. Я яростно стал дергать крышку лючка, пытаюсь ворваться внутрь, но замок не пускает.

Гонза тем временем умудрился распотрошить обивку другого кресла и, ничего не найдя внутри, хищно озирался по сторонам. Не обнаружив ничего подходящего, Кубинец подался ко мне, доставая свою универсальную отмычку.

Гонза в минуту сговорился с замком и распахнул крышку люка. На дне тайника, к моему разочарованию, виднелся прямоугольник визитки – сиреневый с золотым тиснением. Уж не знаю, что я там ожидал увидеть, но явно не это. Скорее, тронутого тлением Романа Романова со скрученными веревкой руками и украшенной удавкой шеей.

Я осторожно поднял со дна тайника визитку и поднес ее к глазам. На ней значилось:

«РОДИОН СЕЛЬЯНОВ. АДВОКАТ.
АДВОКАТСКОЕ БЮРО „МОИСЕЙ“

И телефоны. Я перевернул визитку. На обратной стороне имелась какая-то схема. Да уж. Не густо!

«Моисей»? – с сомнением хмыкнул Гонза. – Что-то я не слышал о таком бюро.

Слова Кубинца натолкнули меня на мысль: «Что за идиотское название для адвокатской конторы. Ее владельцы перед регистрацией фирмы изрядно обкурились какой-то дури».

Я достал сотовый и выбрал из телефонной книжки нужный номер.

Вызываемый отозвался тут же.

– Иероним Балаганов слушает, – раздался сердитый голос господина Чистоплюя.

– Это Даг Туровский, – напомнил я. – Один вопрос. Вам знакома фамилия Сельянов? Родион Сельянов?

– В первый раз слышу.

– Он адвокат, – чуть надавил я.

– Я же сказал. Никогда не слышал эту фамилию, – раздраженно прорычал господин Чистоплюй.

Я внезапно ясно увидел, как он говорит – презрительно поджимая верхнюю губу, отчего сияющие зубы выдаются вперед.

– Не кипятитесь, – оборвал я короткий выплеск его эмоций.

Он еще никак не мог простить мне, что остался за бортом.

– А адвокатское бюро «Моисей» знаете? – задал я второй вопрос.

– Какое идиотское название. Никогда не слышал, – все еще с раздражением отозвался он. Я уже хотел сбросить разговор, когда он добавил: – Нашу дамбу так называют.

Я отсоединился.

Дамба «Моисей». Она спасала город от наводнений, терзавших Санкт-Петрополис на всем протяжении его существования. Общее число наводнений до построения дамбы превысило три сотни. Дамба перекрывала приток свежих вод из Финского залива. Построили ее после печальных событий

тысяча девятьсот двадцать четвертого года, когда воды разлившихся каналов и рек затопили практически весь город. Воды сорвали двадцать мостов, подточили и разрушили свыше восьми тысяч домов, более трех тысяч человек навсегда упокоились в буйных волнах. Город оказался на краю гибели, тогда-то и приняли решение – строить дамбу.

Но какое отношение дамба имела к Родиону – Сельянову, к адвокатскому братству и исчезновению Романа Романова я не знал. Скорее всего никакого. Имеются же в Петрополисе рестораны с вывеской «Дыра в заборе», или «Приют бодливой козы», или «Борода Дьюина». А тут Моисей. Какая разница?

Я убрал визитку и пометил в ежедневнике:
«Дозвониться до Степана Прокуророва».

Степан Прокуроров мой школьный товарищ. Ныне заместитель прокурора города. Он мне иногда помогал. Мог помочь и сейчас.

– Пошли. Здесь, похоже, все, – позвал я Гонзу.

На катере и впрямь уже нечего было делать. Все, что мне мог подсказать этот роскошный поплавок, он уже нашептал.

Ситуация проступала в таком разрезе. Романов мог исчезнуть только в тот временной отрезок, когда «бентли» припарковался, и до пришествия на борт шефа безопасности Плавникова. Этот промежуток составлял полчаса. За такое время государственную машину можно на сто восемьдесят градусов развернуть, не то что человека выкрасть.

Догадка о моменте исчезновения и странная визитка – вот и весь улов.

Господину Чистоплюю, что дожидался на причале, нервно-чески раскачиваясь с ноги на ногу, я не сообщил ничего. Это ему не понравилось, но пришлось проглотить. В конце концов сохранение информации в тайне было в его интересах. Пускай даже тайна укрывалась и от его персоны.

Иероним Балаганов выделил из своей свиты два костюма и распорядился доставить нас до дверей агентства, после чего, отвесив легкий учтивый поклон, удалился, напоследок распорядившись:

– Снять блокаду с паркинга «VIP».

Охранники проводили нас до служебного «форда» и помогли взойти на палубу, взбежали сами и отконвоировали нас в рубку.

С причала в катер втянулись швартовы. Катер дернулся, отваливая от причала.

В кармане моего костюма сотовый разразился мелодией «Боже, Царя храни». Одновременно со мной за трубками потянулись костюмы. Я отметил в уме с усмешкой, что надо сменить мелодию на что-нибудь попроще и менее популярное. Может, «Марсельезу» или гимн Социалистических Соединенных Штатов Америки?

– Даг Туровский слушает, – представился я. Охранники покосились на меня и с разочарованными гримасами попрятали трубки.

– Здоровеньки булы, Туровский. Это Ирисов, – раздался бодрый голос Ивана.

– Слушаю. Чего доброго скажешь?

– Вопросик есть. У тебя в бочке с короной какое пиво плещется? – ехидно осведомился Ирисов.

– Убери лапы от «Королевского», – прорычал я. – А то я из тебя сусло сделаю.

– Ну это ты загнул. Ладно. Не кипятись. Я же шучу.

– Идиотские шутки. За такие шутки тебя на рее вздернуть стоило бы, – дружески пожелал я. – Хотя если подумать, – пошел я на попятную, – рожденный пить не пить не может.

– Брось! Почистил комп. «Траян» был. Теперь он матке порнофильм круглые сутки транслировать будет. Даг, они там решат, что ты секс-маньяк. Так что ожидай визита полиции нравов.

– Спасибо, вот удружил, – горестно поблагодарил его я.

Не дай бог Ангелина будет у меня и обнаружит... Проблем не расхлебашь. Попробуй объяснить женщине, что порнофильм у тебя на компьютере проигрывается чисто из деловых соображений. Работа такая. Ага! Так тебе и поверили.

За разговором я и не заметил, как костюмы, разделив управление на двоих, вывели катер из паркинга и вывернули в Неву. Слева оставался гордо возвышающийся над буйными волнами Медный всадник, взлетевший на Гром-камень.

– К твоему сведению, жучков у тебя в офисе – полный

кошмар, – продолжил Ирисов. – Я уничтожать их не стал. Так что в кабинете говори только о малом и неважном.

– Спасибо, Ваню. Свои люди, сочтемся. Минут через десять будем, – пообещал я и отключил связь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Частное детективное агентство «Квадро», совладельцами которого являлись Гонза Кубинец и я, располагалось по адресу: канал Беринга, дом двадцать семь. Мы откупили целый четырехэтажный особняк вместе с островком суши, на котором он стоял, и куском набережной. Раньше в этом доме жил генерал-полковник Ростопчин, но после того, как его застрелила жена, дом оказался во владении единственного сына генерала, тут же постаравшегося сбить родовое гнездо, чем мы и воспользовались, убив все накопления за три года. Фронтон дома украшали четыре атланта в виде древнеримских легионеров. Они держали на своих плечах балконы с таким свирепым видом, точно это не гордые сыны Рима, а дикие германцы, ошалевшие от вседозволенности.

Охранники высадили нас у парадной лестницы из восьми каменных ступенек и тут же отбыли в направлении Адмиралтейского РАЯ.

– Что-то в моем животе бурчит, – поделился ощущениями Гонза. – От пустоты. Это говорит о том, что...

– Думаешь ты желудком, как я и предполагал ранее, – закончил я мысль Кубинца на свой манер.

– Нет, не желудком. Но пообедать стоит, – нарочито обиженным тоном отозвался Гонза.

Я отомкнул парадную дверь. Долго возился с замком.

Ключ не хотел проворачиваться. Распахнув дверь, я пропустил вперед Кубинца. Гонза вошел и остолбенел. Раздался сдавленный смешок и короткий возглас:

– Твою мать.

Я поспешно рванулся в офис. Запахнул за собой дверь, запер ее, щелкнул клавишей, включая освещение в холле, и обернулся.

Увиденное сперва повергло в шок, затем вызвало оторопь, которая сменилась гневом, переросшим в ярость.

Гонза грязно выругался и вlepил кулаком со всей мощи в дверной косяк. Осталась вмятина. С костяшек закапала кровь. Он поморщился и облизнул руку.

В дальнем конце холла под балконом второго этажа равнодушно висел Иван Ирисов, не доставая своими длинными кривыми ногами до пола сантиметров десяти. Рот Ирисова был неестественно растянут в судорожной ухмылке, будто из последних сил он пытался посмеяться над судьбой. Рубашка распахнута, обнажая бледную волосатую грудь. Пуговицы на рубашке отсутствовали. Они блестели пластмассовой россыпью на полу. Петля, обвившая кадыкастую сломанную шею Ирисова, ниспадала с перил балкона.

– Приехали, – резюмировал Гонза.

– Вот уж точно, – поддакнул я.

Восемь минут назад разговаривал с Ирисовым. Ваню был жизнерадостен и полон оптимизма. После этого меня пытаются убедить, что он добровольно влез в петлю.

Кубинцу, видно, пришла на ум та же мысль.

Он подошел к повешенному и, не касаясь тела, пробежал по нему глазами.

– Отравлен, – констатировал Гонза. – Также, как Плавников. Следы на шее.

Смерть Ирисова меня убедила в теории о двух группировках.

Одна из них заинтересована только в сборе полезной информации. Эти наводнили мой кабинет жучками и подселили в комп «Траяна». Проникли в мой дом, присутствовали в нем теньями. Они впитывали всю информацию, курсировавшую, как шарик пинг-понга, между стенами.

Вторая группа поставила себе целью убрать каждого, кто хоть на миллиметр приблизится к разгадке исчезновения Романа Романова. Вполне возможно, что убийцы перепутали Ирисова со мной. По крайней мере, эту версию откидывать никак нельзя.

– Что с Ванькой делать? Снять? – поинтересовался Гонза.

– Никак нельзя. Нам еще с полицией разбираться. Звони инспектору Крабову. Я буду в Хмельной.

Я неспешно, точно прожил на земле тысячу лет, направился к лифту, раздумывая над предстоящей встречей с инспектором Крабовым. Надо сказать, что видеть Петра Петровича Крабова мне совсем не улыбалось. Петр Петрович возглавлял районное управление внутренних дел и питал к моей персоне ту же любовь, что бык к шпаге тореадора.

По странному стечению обстоятельств каждое крупное убийство в районе оказывалось связанным с моим именем. Стоило обнаружить труп, сообщить родственникам, как через полчаса я приступал к работе, к вящему неудовольствию Крабова.

Петр Петрович так надеялся, что, когда мы переедем, он заживет спокойно.

Да не тут-то было.

Раскатал губы-то. Мы передислоцировались с Гаванского канала, где занимали этаж в бизнес-центре по соседству с зубоучебной клиникой и мебельным магазином, на канал Беринга в собственный особняк. Поручик Стеблин, правая рука Крабова, рассказывал, что, когда инспектор узнал о переезде, его лицо приобрело вид посмертной маски Фредди Крюгера. В отличие от Крабова со Стеблиным мы находились в прекрасных отношениях, я бы даже сказал дружеских.

Но, пока инспектор Крабов не заявился, мне требовалось сделать пару телефонных звонков. Так сказать – на опережение. И я предпочел звонить из Хмельной, так я прозвал свой пивоваренный подвальчик.

Первым делом я дозвонился до господина Чистоплюя и обрадовал его новостью, после чего задал риторический вопрос:

– Мы продолжаем расследование?

– А вы намерены отказаться? – вопросом на вопрос отозвался Иероним Балаганов.

– Я – нет. Я всегда иду до конца. А вы?

– Скажите, вы хоть продвинулись? – не заметил моего вопроса господин Чистоплюй.

– Стали бы на меня охотиться в противном случае, – усмехнулся я.

– Тогда продолжайте. Только так. Истинно так, – распорядился Иероним Балаганов.

Я повесил трубку и позволил себе расслабиться на минуту. Развалился в кресле, собираясь с мыслями. Я так уверенно ответил господину Чистоплюю, что у меня есть версии, что сам чуть было не поверил в это. На самом деле – голый пустырь. Только летающий мусор, но ни одной дельной дороги, ни травинки догадки. Я не имел представления, почему похитили Романа Романова. Но знал, в каком направлении двигаться. А это главное!

Вторым делом я дотянулся до школьного приятеля Степана Прокуророва. Звонил я ему на мобилу, поскольку рабочего номера не знал. Откликнулся Прокуроров сразу же.

– Кто это? Туровский, ты, что ли?

– Степ, я. Дело к тебе есть.

– Я уж обрадовался, что ты за жизнь встретиться хочешь. А у тебя опять дело, – недовольно пробурчал Степан Прокуроров. – Ну, выкладывай.

– Мне нужно узнать все, что возможно, о Родионе Сельянове.

– Кто таков?

– Все, что мне известно, так это то, что он работает адвокатом в бюро «Моисей».

– В первый раз слышу о «Моисее». Что-нибудь есть еще?

– Телефон.

Я надиктовал номер.

– Ну, будь. Вызнау, позвоню.

– Степ, если у тебя завтра вечером планов нет, заезжай.

Мы на канале Беринга обосновались, – предложил я.

– Я в курсе. У меня адрес есть.

До прихода инспектора Крабова оставалось еще минимум полчаса, если Гонза уже успел позвонить. Текущих дел по пивоварению у меня не наличествовало. По крайней мере, настолько срочных. И я включил телевизор. Столичный канал, использовавший в качестве значка имперского двуглавого орла, транслировал новости. Мне подфартило как всегда. Вещали о подготовке празднования трехсотлетия Санкт-Петербурга и как обычно катили бочку на нашего губернатора – Владислава Пятиримова. Суть всего наезда сводилась к тому, что добрая половина выделенных на празднование денег куда-то исчезла. Доподлинно было известно, что из Москвы деньги ушли, а Пятиримов разводил руками и убеждал прессу, что никогда не видел вышеозначенной суммы, а все слухи о том, что сумма эта покинула Москву, – навет прессы, тщательно спланированный и по нотам сыгранный спектакль. Пятиримов даже грозился указать на режиссера представления, но его никто не слушал.

Лично для меня ясно было одно – политической карьеры Владислава Пятиримова крышка. Ему дадут отпраздновать трехсотлетие и даже, возможно, дадут досидеть губернаторский срок, после чего упекут за расхищение по указу императора. Грешно тырить в таких масштабах, да притом так нагло.

Закончив обсасывать коррупционную тему, ведущий доложил о готовящемся приезде сэра Пола Маккартни в Северную Венецию. Вкратце он рассказал историю группы «Битлз», помянул известную песню «Назад в Россию» и напомнил о концерте экс-битла в Москве на Красной площади.

Я прогнал каналы. Но везде одно и то же. Время новостей. Не о трехсотлетии, так об оккупации Ирака Социалистическими Соединенными Штатами Америки; не об Ираке, так о концерте сэра Пола; не о Маккартни, так о коррупции в губернаторских кругах Санкт-Петербурга.

Замкнутый круг.

Я уж отчаялся увидеть что-нибудь полезное, как надобность в телевизоре отпала.

Я узнал о явлении инспектора Крабова раньше, чем мне сообщил Гонза Кубинец, спустившийся в Хмельную. Сверху раздался надсадный рев старого медведя, в последний раз забравшегося на самку, затрясся пол и захлопали двери. Я уж забеспокоился о сохранности своего пива. Вдруг звуковые колебания оказывают на него пагубное воздействие? Я направился сквозь Хмельную к лифту и столкнулся с Кубин-

цем, выходящим из лифтовой кабины.

– Крабов прибыл, – обрадовал Кубинец. – Очень счастлив, что труп в нашем доме. Теперь у него появился повод отобрать лицензию.

– Пусть попробует, – хмуро бросил я.

Появилось ощущение, что стены стали сжиматься, норвя меня раздавить, и тут же пропало. Но я принял это за знак свыше.

Петр Петрович Крабов вполне соответствовал тому облику, что рисовал шум, производимый им. Медведь с незажженной сигарой в зубах, втиснувшийся в костюм, топтался в нашей прихожей, скептически оглядывая неподвижное тело Ирисова. Поручик Ираклий Стеблин находился подле. Вокруг Крабова суетились люди в форме, раскладывали свои инструменты эксперты, сверкали вспышками света фотоаппараты. Завидев меня, Крабов всплеснул руками и взрычал:

– Туровский, я же предупреждал вас, не давайте мне повода. Отчего же вы так непослушны? – Инспектор Крабов хищно рассмеялся. – Ну рассказывайте, Туровский, вы сами подвешивали бедолагу или за вас это сделал Гонза?

– Во-первых, – учтиво, пытаюсь сохранить хладнокровие, сказал я, – прошу учесть, Крабов, у нас действует презумпция невиновности...

– К черту, Туровский, бросьте фиглярничать. – Улыбка сползла с лица Крабова.

– Во-вторых, поручик Стеблин, будьте свидетелем. Ин-

спектор Крабов позволяет предвзято относиться к нашим персонам.

Стеблин нахмурился и, потупив взор, точно от стыда, отчеканил:

– Петр Петрович, право же, вы загибаете.

– Бросьте, Стеблин, у нас появился прекрасный шанс. А вы хотите испортить всю партию, – подавляя подчиненного, заявил инспектор.

Крабова похлопал по плечу низкорослый толстячок в очках с сильными линзами. Он напоминал дряхлую черепаху, угодившую в суп.

– Извините, инспектор, у повешенного на шее обнаружены следы инъекции. Осмелюсь предположить, что он был отравлен. Скорее всего, ампула была выстрелена. Точно можно будет сказать только после экспертизы.

Крабов расплылся в улыбке и хлопнул в ладоши.

– Теперь, Туровский, вам нужно проявить чудеса изворотливости, чтобы сохранить свою задницу в сухости и тепле.

– Не беспокойтесь, Крабов, я скользкий как угорь. Выползу, – пообещал я, сохраняя хладнокровие. Инспектору мое заявление пришлось не по вкусу.

– Туровский, я лишаю вас лицензии вплоть до окончания следствия по делу об убийстве Ивана Ирисова.

Гонза скривился и сжал кулаки.

– Я обжалую такое решение, инспектор, в городском управлении, – пообещал я.

– Ничего вам не светит, Туровский. Это стандартная процедура, – парировал Крабов.

– Да, но у меня есть алиби. – Я вкинул в партию козырь.

Инспектор Крабов нахмурился, отчего его лицо стало напоминать театральную маску, отображающую скорбь.

– Когда приехал Ирисов...

– А зачем он приезжал? – прервал меня Стеблин.

– Почистить компьютер. У меня были подозрения на «Траян». Вчера слишком долго и неаккуратно Гонза шастал по Сети, – разъяснил я.

Кубинец досадно хмыкнул, но промолчал.

– Так вот. Когда приехал Ирисов, у меня находился один из работников Иеронима Балаганова, со-президента компании «Седуктиве Бед».

Лицо Крабова вытянулось, точно он повстречал своего покойного дедушку.

– Потом Ирисов остался, а мы уехали. Около двух часов я провел с Иеронимом Балагановым. Гонза был со мною. Затем мы вернулись в сопровождении двух сотрудников и обнаружили тело. Вот в общем-то и все. Так что если бы мы даже хотели убить Ивана Ирисова, что само по себе абсурдно, у нас не было ни одной свободной минутки.

Я чувствовал себя Сципионом Африканским Младшим, въезжающим в Рим после разрушения Карфагена, а граждане свободного города чествовали меня как триумфатора.

– Где же эти сотрудники? – растерявший былую уверенность

ность, спросил инспектор.

– Отправились докладывать руководству, – предположил я.

– Иероним Балаганов ваш клиент? – задал вопрос в лоб Крабов.

– Я думаю, что это не относится к сути данного дела. Но если вам уж так хочется это знать, спросите у Балаганова сами.

Полный триумф.

Инспектор Крабов скривился, словно ему довел ось разжевать живую лягушку.

– Что ж, я проверю все, что вы мне сообщили, – произнес Петр Петрович. Сдавать позиции он не привык. – Но учтите, Туровский, я проверю все, что вы мне сказали. И не дай бог, вы втерли мне липу. Я вернусь и лишу вас лицензии.

Последние слова он прогавкал, выстреливая каждое, как снайперскую пулю. Но я не обратил на них внимания. А жаль! Я ведь присутствовал при изречении пророчества.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Обед мы заказали в «Эсхиле-ХР». Жаркое. Целого барашка, зажаренного на вертеле, и овощной суп с клецками. Через полчаса посыльный топтался на пороге. Жаркое даже не успело остыть и тут же откочевало на обеденный стол, куда я добавил две бутылки светлого пива. Как говорится, смотри на мир сквозь пиво, и он покажется тебе золотым.

Обедали в молчании.

Ни слова о событиях дня, ни слова о политике, истории, экономике.

Темы отпали. Каждый размышлял о своем.

Кубинец кручинился, остро принимая смерть Ирисова к сердцу. С Ваню они были по-особому дружны.

Я размышлял о раскладе сил. Мы ни на волос не приблизились к разгадке тайны исчезновения Романа Романова, однако два осиных гнезда уже потревожили. Парадокс! Кто-то, видимо уверовав, что этот орешек мне не по зубам, решил расправиться со мной на всякий случай.

Закончив обедать, я допил пиво, молча поднялся из-за стола и покинул столовую. Остаток дня до встречи с Ангелиной я намеревался провести в Хмельной, требовалось простерилизовать оборудование, оставшееся от приготовления тридцати литров пива. Занятие для меня пренеприятнейшее. Но хочешь пить вкусное пиво, умей и посуду стерили-

лизовать.

Такая рекогносцировка!

Только перед тем как приступить к неприятной процедуре, я достал визитку адвоката Сельянова и набрал указанный номер. Как и ожидалось, никто не ответил. Я призадумался с неотключенной трубкой, слушая гудки.

Что я имел в наличии? Да практически ничего. Ни одной свежей мысли. Только факт исчезновения, два трупа, несколько покушений, странная визитка, да...

Стоп!

Я повесил трубку, ощущая растущее волнение.

Как-то за всеми волнениями совсем потерялось – зачем я вызывал Ирисова. Жесткий диск Романова, доставленный курьером от господина Чистоплюя. Он требовал расшифровки, но я перенацелил Вану. Интересно, успел ли Ирисов обработать романовский диск. В любом случае рабочий комп должен находиться в приемной.

Я подскочил из кресла как ужаленный и бросился к лифту. Мое явление изумило Гонзу почище, чем Всемирный потоп Ноя. Мой компаньон, вольготно расположившись в кресле, читал книгу с названием «Атлантида-град». При моем вторжении книга выпала из его рук и он схватился за кобуру, намереваясь выдернуть пистолет, но желание пропало, лишь он разобрал во мне напарника.

– Даг, я бы тебя сейчас пристрелил, – честно признался он.

– Не думаю, что это был бы разумный поступок, – ответил я, озираясь по сторонам. – Комп. Железо. Левое. Не видел? И сам обнаружил ответ на свой вопрос.

Компьютер Романа Романова приютился в углу за желтым креслом. С первого взгляда стало ясно, что убийцы Ирисова успели до него дотянуться. Коробка процессора зияла провалами. Вытащено было все, что только можно. Разве что сам корпус оставили да монитор, которому зачем-то аккуратно разбили экран.

– Даг, нашел? Как там? – спросил Гонза, выгибаясь из кресла, точно змея на охоте.

– Вопрос отпал за неактуальностью, – промолвил я.

Ниточку оборвали. Тщательно отпилили тупыми ножницами.

Я прошел к своему столу, погрузился в кресло и щелкнул клавишей «энергия» на своем компе. Сомнительно, конечно, что Ирисов загрузил найденную информацию ко мне, но проверить стоило. Аккуратно исползал всю поверхность жесткого диска в поисках искомого, но, как и предполагалось, Ирисов к моей машине не подходил.

Я в изнеможении откинулся на спинку кресла и запустил руки в щель между сиденьем и подлокотниками. Эту мою стародавнюю привычку знали только самые наиприближенные. Поэтому и самое вероятное место нахождения записки-послания только здесь. Сунуть пальцы в излюбленную норку получилось почти инстинктивно. Я ни на что особо

не рассчитывал, но улов случился необыкновенный. Пальцы уперлись во что-то твердое. С трудом выцарапав, я извлек из щели компакт-диск с записочкой:

«Здесь все, что удалось извлечь. С тебя пиво. Мое любимое. Иван Ирисов».

Я печально улыбнулся, скомкал записку и отправил ее в мусорную корзину. Да пиво-то тебе, Ваню, больше не пить. Я отметил для себя в уме – помочь семье Ирисова. Кажется, у него остались жена и годовалый ребенок.

– Даг, что там? – заинтересовался Гонза.

– Послание с того света, – отозвался я.

Я достал компакт и загрузил его в дисковод.

Не знаю, что я ожидал обнаружить на кровавом компактe. Зловещий заговор? Грядущие планы по перекачке черного нала или контрафактной продукции? Но увиденное повергло меня в изумление, как Голиафа Давид опрокинул обыкновенным булыжником.

Все содержимое диска можно было разделить на три части.

Акт первый – материалы, посвященные результатам сенатской проверки траты денег, выделенных на юбилей Санкт-Петербурга. Цифры поражали. Миллионы долларов, откочевавшие в чиновничьи карманы. Сюда же затесались статьи, посвященные острову Зоопарк, который распоряжением губернатора Пятиримова намеревались прикрыть на карантин. Статьи обгладывали тему со всех сторон. Строили

предположения. Выдвигались гипотезы, одна смелее другой.

Более всего настораживало предположение, озаглавленное коротко: «ИЗ ДОСТОВЕРНЫХ ИСТОЧНИКОВ»

Я вчитался в мерцающие строчки:

«Из достоверных источников стало известно, что остров Зоопарк, закрытый по распоряжению губернатора Санкт-Петербурга Пятиримова, так и не будет открыт. Кому это выгодно? Вот вопрос, которым задается каждый мыслящий человек. Но ответ не лежит на поверхности. Чтобы понять всю подоплеку звериной истории, стоит дать короткое экономическое обозрение ситуации, сложившейся в городе...»

Я просмотрел дальше, стараясь вытащить сухой факт, и нашел его спустя полстраницы:

«...и теперь осталось только выяснить, кто возглавляет компанию „Пасть“, приступившую к строительству нового зверинца в районе Гавани. Ответ на этот вопрос прояснит всю ситуацию. Президентом компании „Пасть“ является Илья Пятиримов, единственный наследник петропольского губернатора. Теперь предельно ясно, кому выгодно закрытие старейшего в Российской империи зоопарка».

Слушок этот мне знаком, и помнится, по этому вопросу созывали сенатскую комиссию, которой, впрочем, ничего не удалось выяснить. Даже следов компании «Пасть», внезапно растворившейся в петропольских туманах. Все в ажуре. Только я никак не мог понять, что в этом материале заинтересовало Романа Романова, если он не поленился и прогу-

лялся по всем источникам, указанным в статье. Обыкновенная городская байка. Таких сотни.

Я закрыл «остров Зоопарк» и, засучив рукава, приступил к изучению оставшегося материала.

Вторая группа страничек посвящалась юбилею города. Папка с громким заголовком «300». Подробный план мероприятий по празднованию юбилея с картами и фотографиями. Я в который раз пожалел, что человечество докумекало до компьютера. Сколько полезного можно было черпнуть из карандашных заметок, смятых страничек и подчеркнутых строчек. Интернет украл целый пласт полезной для следствия информации, взамен подарив оперативность и вседоступность.

Папка с заголовком «300» оказалась тощей. Десять документов. Кратко, но по существу.

Третий пласт информации заставил меня побледнеть. Я почувствовал, что покрываюсь мерзким волнительным потом. Папка называлась «Моисей». Дрожащей рукой я стронул курсор на папку, щелкнул клавишей мышки и испытал чувство, схожее с оргазмом. Море документов. В основном текстовые файлы в формате «Word». Я дернулся было открыть первый подвернувшийся под курсор документ, но споткнулся. Программа предлагала ввести пароль. Заминка, конечно, временная. Пароля я не знал, но Ирисов мог вскрыть документ в сущие секунды. Он не сделал это. Вполне возможно, не успел. Может, собирался договориться о

сумме. Но мне продолжали оставаться доступными виртуальные страницы и рисунки. Я потыкался наугад, как слепой щенок, открылись какие-то странные чертежи, из которых я никак не мог выжать смысл слова «Моисей» и уж тем более распутать загадку исчезновения Романа Романова. Вероятно, прочитав текстовые файлы, мне и стало бы все понятно, но из паутины чертежей и диких фотографий ответ не вытанцовывался.

Но фигуру не стоило сбрасывать с доски.

– Гонза! – окликнул я.

Кубинец оторвался от книги и вопросительно посмотрел на меня.

– Кроме Ирисова кто бы мог взломать для нас файлы?

– Мне знаком кое-кто из окружения Ваню. – Гонза задумался. – Вроде достойные ребята. Стоит подумать. Надо?

– Думать всегда надо, – съязвил я.

– Тогда я сделаю пару звонков. Найду, Даг, – пообещал Гонза.

– Еще вызови Сфинкса и Химеру. Пусть захватят амуницию. Нам потребуется боевая сила. И хорошее прикрытие.

– Ты думаешь, кто-нибудь сунется?

– Уже сунулись, – напомнил я. Я взял трубку, не глядя набрал номер Иеронима Балаганова. Господин Чистоплюй проявился сразу же.

– Кто? – встретил он в лоб вопросом.

– Даг Туровский, – кратко напомнил я.

– Слушаю. Но учтите, вам повезло, что вы меня застали.

Взгляните на часы.

Я послушался. Стрелки указывали на четверть седьмого.

«Мать Божья – Ангелина!»

Справившись с раздражением – кажется, я опоздал, и грянет крупный скандал, – я вернулся к теме звонка.

– Во-первых, кое-что проясняется. Без подробностей. Комп Романова убийцы распотрошили, но наш специалист успел создать резервный диск и спрятать в надежное место. Над диском придется поработать. Я подключу специалиста. Во-вторых... – Я подумал было попросить у Балаганова двух охранников для силовой поддержки, но оставил эту мысль.

– Что во-вторых? – торопливо переспросил господин Чистоплюй.

– Тема отпала. Ничего. Только, господин Балаганов, думаю... У Ивана Ирисова, убитого программиста, остались жена и ребенок...

Прозрачный намек.

– Боже правый, прошло только семь часов, а уже два трупа. У Плавникова ведь тоже голодные рты остались. Но не беспокойтесь, господин Туровский, у нашей компании есть программа по благотворительной помощи. Семьи Плавникова и... как его там...

Ирисова, – подсказал я.

– Точно, Ирисова. Их семьи не останутся без поддержки. Только так. Истинно так. У вас все?

– Пожалуй.

Мы распрощались.

Я поспешно покинул приемную и поднялся в свою комнату. Наскоро переодевшись – только смокинг! – я забежал в кабинет на втором этаже и активировал катер. Если поторопиться, то я еще мог успеть к Ангелине. С половины дороги я подумал позвонить и предупредить о прибытии. Пока что я еще не начал опаздывать, но если не поторопиться, катастрофа неминуема.

С минуту я простоял перед зеркалом, размышляя, нацепить плечевую кобуру с пистолетом или не стоит. Кого в конце концов отстреливать в Мариинке. Но нацепил. Бес попутал!

Ангелина жила в Коломне, на Мясном канале. Если поторопиться и подфартит с чистой водой, то за полчаса можно домчать. Я покинул бывший генеральский особняк, поднялся на борт своего старенького, латаного-перелатаного катера. Давно пора прикупить новый, да со стариком меня связывали нежные воспоминания. Я пробудил древний «форд», по-моему, эту модель уже давно скинули с производства, и через две минуты, миновав кладбищенский Смольный остров, вырулил на Малый проспект.

У Ангелины я был через двадцать две минуты, поставив рекорд скорости. Дважды меня пытались задержать патрульные катера ВПС. В первый раз в районе Клубного канала, но мне удалось уйти через сад Василиостровец. Второй раз

меня срезали у Горного института, но я прибавил газу, обогнул патрульные катера и ушел в Большую Неву, где в это время дня особо интенсивное движение. Мне удалось затеряться. Правда, и скорость сбросить пришлось. Потерю времени я компенсировал в канале Грибоедова. Ангелина жила вместе с матерью и отцом – профессором юриспруденции, крупнейшим специалистом в области англо-саксонской правовой школы – в шикарном шестнадцатизэтажном доме, входящем в комплекс «Зазеркалье». Внутри – двухуровневый паркинг, офис местной службы безопасности и домовое управление вкупе с бытовыми службами: прачечными, химчистками, ремонтными мастерскими, даже собственное почтовое отделение и элинг для ремонта катеров имелись в наличии. Службы занимали первый этаж, кроме парковки, погруженной под воду.

Опустившись на первый уровень паркинга, я занял свободное место, включил сигнализацию «Ватерлиния», подумал и, для верности запустив сигнализацию «Томагавк» – ревун, покинул борт.

Ближайший лифт располагался в десяти метрах, и я устремился к нему, чувствуя, как истошно колотится сердце.

В лифт со мной вошел пожилой мужчина – очевидец штурма Рейхстага. Он заскочил в последний момент, притормозив дверь массивной резной клюкой с головой черта в качестве набалдашника. Старик заложил в память компьютера лифта нужный ему этаж, запустил подъем, откинулся к

стене и, казалось, задремал.

Я расслабился, закрыл глаза, но сердце продолжало метаться в груди, посылая зашифрованные сигналы, остававшиеся для меня бессмысленным набором букв и цифр. Я отогнал от себя рой кодов и постарался представить, как буду оправдываться перед Ангелиной, но споткнулся, почувствовав, как в затылок уперлось ледяное жало.

– Не гоношись! – посоветовал недавний старик. Жало чуть углубилось в кожу, вызвав кровотечение.

– Слушай внимательно, Туровский, и не перебивай. Не в твоём интересе.

Жало отступило.

Я попытался развернуться и выбить клинок из рук старикана, но он навалился на меня, прижал к стене лифта, упер лезвие в позвоночник, щелкнул клавишу «Стоп» на пульте лифта и надсадно задышал мне в ухо.

– Оставь это дело, Туровский. Будь паинькой. Зачем тебе лишняя кровь? Мало, что ли, сопляка-программиста.

Я дернулся в бессильной злобе, повел ноздрями, втягивая ароматный дорогой запах рублей за сто, что шел от старика.

– Не шали. – Он ехидно захихикал. Что-то скользнуло ко мне в правый карман пиджака. Я уловил знакомый хруст банкнот.

– Если одумаешься, получишь в два раза больше. Если же нет, то это тебе на похороны.

Последнее слово потонуло в лавине боли, захлестнувшей

затылок. Картинка поплыла. Я попытался ухватиться за стену, но пальцы соскользнули. Я упал. Перед глазами промелькнул ослепительный фейерверк, и я буквально погас, как вывернутая из патрона лампочка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пробуждение оказалось мучительным. Колокольным звоном наполнилась голова, терзаемая дикими болями, словно кто-то из моей черепушки, как птенец из яйца, проклевывался на волю. Я приоткрыл глаза. Веко – свинцовое покрывало. Мерзкий, словно наполненный плесенью полумрак, только кнопки на пульте управления лифтом светятся чахоточным желтым цветом.

Я пошевелился и зашипел от разряда боли, пробившей в голову. Осторожно, цепляясь руками за стены, я выполз наверх и сделал несколько шагов на непослушных, будто из теста слепленных ногах.

Каждое движение отражалось в голове раскатом грома.

Я неторопливо ощупал эпицентр боли, отнял руку от головы и поднес к лицу. Кровь напитала волосы, отчего они стали напоминать кабанью щетину, но более не текла.

Приятная новость!

Я старался не наводнять мозг мыслями, но они лезли, как грибы-паразиты в мокром подвале, причиняя нестерпимую боль. Я тщательно ощупал себя, проверяя, в чем еще оказалась убыль, целы ли кости, нет ли где колотых ран. И обнаружил. Наплечная кобура пустовала. Мой девятимиллиметровый армейский «питон» исчез.

Я скривился от боли, но поднес правое запястье к глазам и

взглянул на светящийся циферблат. Без пяти девять вечера. Стало быть, я провалялся без сознания два с половиной часа. Ангелина будет в ярости. Я скрипел зубами от злости и разочарования. Последняя возможность наладить пошатнувшиеся отношения с любимой рухнула. Оставалась крохотная надежда, что мой изрядно помятый вид послужит стопроцентным алиби. Такое алиби нарочно не выдумаешь. Не будешь же биться головой об стены, чтобы только оправдать свое опоздание.

«Нужно позвонить инспектору Крабову, – проблеснула сквозь грозовой сумрак дельная мысль, – и заявить о пропаже лицензионного пистолета».

Почему-то эта мысль показалась мне чрезвычайно важной. И отчего-то я знал, что мой «питон» пропал неспроста и мне это ничего хорошего не сулит.

Я дотянулся до лифтового пульта и нажал кнопку восьмого этажа. Мигнули лампочки, и в кабине включился свет.

Лифт ожил и устремился вверх.

Я нащупал в кармане сотовый. Достал его. На удивление, аппарат оказался целехоньким. Вызвав из памяти номер Гонзы, я включил набор.

– Кубинец, – позвал я.

– Даг, ты, что ли? Как балет? Не заснул? – отозвался он.

Лифт дополз до восьмого этажа и распахнул двери.

– Не попал я на балет. Не добрался, – сообщил я, шагнув из кабины.

Шаг – взрыв боли в голове.

– Как не добрался? Ты где? Могу поспорить, что Гонза подскочил и забежал нервноически по комнате.

– К Ангелине поднимаюсь. Меня в лифте приложили по голове. Я в бессознанке почти три часа проболтался. Ангелина меня мумифицирует заживо. К тому же у меня украли пистолет.

Я медленно продвигался по коридору к квартире Ангелины.

– Срочно заяви Крабову, пока из твоего «питона» полгорода не перестреляли, – резко отреагировал Кубинец.

Вот почему мне показалось опасным исчезновение пистолета. Не откладывая дело в долгий ящик, я набрал номер полицейского управления.

– Добрый вечер, – пробурчал я невнятно, – инспектора Крабова можно?

– Он только что отправился на выезд. А кто его спрашивает? – вежливо, но сухо осведомился секретарь.

– Даг Туровский, частный сыщик. Я перезвоню.

Сбросив номер и замедлив шаг, я остановился перед нужной дверью. Сто двадцать восьмая квартира. Я потянулся к звонку, но что-то остановило меня. Я насторожился, почувствовав опасность. Все мое естество вывернулось, протестуя против последнего шага. Я панически не хотел открывать дверь ее квартиры.

Что за бред?!

Я покачал головой, стараясь выгнать жуткое чувство неотвратимости какой-то катастрофы. Так ощущала бы себя Касандра, севшая по ошибке на «Титаник».

Я пошатнулся. Жуткое головокружение взболтало мою голову. Чтобы удержаться на ногах, я ухватился за ручку двери, и дверь распахнулась внутрь. Я ввалился в квартиру, поскользнулся на чем-то и растянулся на пороге, испытав извержение вулкана внутри черепной коробки.

Брюки тут же намокли.

Что-то было разлито на полу. Я попытался подняться на ноги, упершись руками в пол, но ладони скользили в чем-то липком. Я уцепился за дверь и вытянул себя в вертикальное положение. Дотянулся по памяти до кнопки включения света и пробудил светильники в прихожей.

От неожиданности и навалившегося ужаса я чуть было не грохнулся вновь.

Посреди прихожей лицом в пол лежал профессор юриспруденции, крупный специалист в области англо-саксонского права в домашнем халате и с одной тапочкой на ноге. Другая валялась чуть вдалеке, как указатель – «продолжение следует». Голова профессора представляла кашу из костей, мозга и крови в котелке целой части черепной коробки.

Я почувствовал дурноту. С трудом уговорил желудок поостеречься от поспешных действий и оглядел себя. Я словно искупался в кровавой ванне. С меня капала кровь.

Я не впервые видел труп, но, пожалуй, в первый раз пе-

редо мной лежал очень близкий человек. Будущий тесть. Мелькнула мысль. Я ужаснулся промелькнувшей мысли.

Ангелина?

Перескочив через тело профессора, я устремился в глубь квартиры. Душа, как губка, впитала ужас и трепетала, как флаг на ураганном ветру.

Пустая гостиная. Пустынная столовая. Одинокая кухня. Лестница на второй этаж, где располагались спальни, библиотека и кабинет. Я резво взбежал по ступенькам. Боль стремительно улетучилась из головы. Поочередно я заглянул в каждую дверь. Ни в библиотеке, ни в отцовском кабинете Ангелины не было. Дверь в туалет меня насторожила. Она была приоткрыта, а в дверном косяке в районе замка зиял вырванный кусок. Я почувствовал, как внутри все обмерло, и осторожно заглянул. В туалете на унитазе сидела мать Ангелины, напоминавшая наседку на яйцах, в махровом халате и без единой кровинки на лице. Голова ее покоилась на умывальнике. Бессильно обвисшая, она лежала на фарфоре и взирала выпученными в ужасе глазами. Халат был распахнут, отчего открывался вид на маленькие груди. Прямо между двух холмиков бурели три рваные раны с кровавыми потеками.

Я развернулся и отошел. Сердце прыгало в груди. Я предчувствовал худшее. Предчувствовал и предвкушал, как самоубийца, уже избравший время своей гибели. На восковых ногах я двинулся к Ангелининой комнате. Последние

полметра зачем-то преодолел на цыпочках. Распахнул дверь. И... Комната была пуста. Какое невероятное наслаждение.

Конечно же, устав ждать, Ангелина одна поехала в Мариинку. Тем и спаслась. Когда же кончается спектакль?

«В десять-одиннадцать?» – предположил я и посмотрел на настенные часы. Двадцать один час десять минут. Еще есть время. Встретить ее, подготовить. Нужно и полицию вызвать.

Я направился прочь из квартиры, но по пути все же заглянул в спальню Ангелининой матери. И умер. Душа оборвалась, рассыпаясь на множество фрагментов, и собралась в иной последовательности. Последовательности, именуемой «Живой мертвец».

Ангелина находилась там. Она лежала на огромной застеленной кровати, распахнув руки. В ее голове зияла дыра. Ангелина была одета в вечернее красное платье. На ее губах запечатлелись удивление и одновременно улыбка. Она умерла в ожидании меня, не зная, что я катастрофически опоздаю.

Преодо мной пронеслась жуткая картина. Мозг восстановил ход событий. Убийца позвонил в квартиру. Отец, видимо работавший в кабинете – я видел разложенные бумаги предстоящего процесса на рабочем столе, – спустился открыть дверь. Почему не Ангелина? А она, предчувствуя, что я сделаю ей предложение, советовалась с матерью. Но совет прервался. Мать отправилась в туалет. Убийца первым делом расправился с отцом. Потом поднялся наверх и... расстре-

лял Ангелину. Мать услышала шум и подала голос из туалета, подписав себе тем самым приговор. Киллер выломал дверь и прикончил мою несостоявшуюся тещу.

Финита ля комедия!

Я сглотнул подступивший к горлу комок.

Но почему Ангелина и мать не услышали звуков выстрела, когда убивали отца? Ответ я увидел на полу возле своих ног, когда смог оторвать взгляд от мертвой, но прекрасной Ангелины. На полу лежал армейский «питон» с глушителем. Мой пистолет с неизвестным мне глушителем. Не задумываясь над своими действиями, я наклонился, поднял оружие и присел на краешек кровати.

Дальнейшие десять-пятнадцать минут провалились у меня в грандиозную всеобъемлющую пустоту. Я перестал осознавать себя как человека. Я низвергался в пропасть боли. Я летел, раскинув руки, а звезды улыбались мне.

Очнулся я от присутствия посторонних людей. Их было много. Множество незнакомых лиц. Они втиснулись в спальню. Окружили меня, оружие убийства и Ангелину, грозно нахмурившись. Я начал выплывать из пустоты и стал различать цвета, оттенки цветов и тьму деталей, подробностей, до этого ускользавших от меня. И первая подробность сложилась в оружие. Люди, замкнувшие меня в кольцо, были вооружены. И множество дул от пистолетного до автоматного смотрели мне в лицо. Вторая деталь заключалась в форме. Эти люди все поголовно оказались полицейскими.

И тут я окончательно проснулся и осознал, до чего же чудовищно должна выглядеть картина со стороны. Три трупа. Повсюду кровь. Я весь в крови с оружием в руках, убаюкивая пистолет как младенца. Страшно! Я понял, что в глазах всех этих людей выгляжу кровавым маньяком. По минимуму – Джеком Потрошителем. Без малейшей надежды на помилование или оправдание. Попался волк в овчарне. А ведь мне уже вынесли приговор – окончательный, без права на обжалование.

Полицейские расступились, пропуская ко мне инспектора Крабова и поручика Стеблина. Крабов выглядел ошеломленным, словно узрел во плоти самого Люцифера и тот предложил ему работу. Стеблин стоял с каменным лицом.

– Даг, вы сошли с ума? – тихо спросил Крабов. Я промолчал.

– Может, вы еще утверждать станете, что эту бойню учинили не вы? – ехидно поинтересовался инспектор.

Но была в этом ехидстве какая-то горечь.

– Я правда никого не убивал, Крабов, – устало ответил я. – И вы это знаете.

– Я ни черта не знаю, – вздыбился инспектор. – Я приезжаю на предполагаемое место предполагаемого преступления и обнаруживаю вас в крови подле трупов с пистолетом в руках. Что я, по-вашему, должен думать?

– Сегодня я собирался сделать ей предложение, – убито проговорил я.

– Что? Передумали? – зло спросил инспектор.

– Да, никого я не убивал, Крабов. Меня в лифте вырубили, когда я к Ангелине поднимался. Это произошло три часа назад. Когда я очнулся, обнаружил пропажу пистолета. Позвонил вам. Вас не было. Я поднялся сюда. Застал вот это.

– Складно поете, – неожиданно легко согласился Крабов. – Тогда почему вы в крови?

– Упал при входе.

– Шеф, там как раз лужа крови размазана, – поддержал меня Стеблин.

– Это еще ни о чем не говорит, – одернул лейтенанта инспектор. – Чтобы выпутаться на этот раз, Туровский, вам придется уменьшиться до размеров сперматозоида. И если у вас это получится, я сниму шляпу и уйду из полиции. Стеблин, зачитай ему его права. – Крабов повернулся на каблучках и покинул комнату.

– Так это твой лицензированный? – поинтересовался Стеблин, кивая на вещдок.

– «Питончик», – подтвердил я.

– Ты, парень, крепко попал.

Я был полностью согласен с его диагнозом. Стеблин приступил к процедуре озвучивания прав арестованного.

Я заскучал.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дома я оказался к двенадцати часам следующего дня.

Против меня были выдвинуты обвинения в убийстве трех человек. Унылый сержант, мечтавший о сне и обеде, взял у меня показания. После чего его сменил Крабов, приступив к допросу, который затянулся до утра.

К семи часам приехал Евгений Постегайло, мой адвокат. Он добился решения суда, состоявшегося в одиннадцать часов. Меня выпустили под залог. Суд назначил тридцать тысяч рублей, Гонза оперативно внес деньги. И я оказался на свободе.

Правда, имелось одно «но». Приостановили до окончания следствия действие моей лицензии. Так что теперь в частном детективном агентстве «Квадро» остался только один лицензированный детектив – Гонза Кубинец.

Дома помимо Гонзы меня ждали Иероним Балаганов, Сфинкс, Химера и поручик Стеблин, сменившийся с дежурства.

Когда в сопровождении Евгения Постегайло я вошел в приемный кабинет, прекратились разговоры, повисла гробовая тишина. Только напряженные взгляды приклеились к моей фигуре.

Иероним Балаганов сидел в красном кресле прямо напротив моего рабочего стола, рядом расположился поручик

Стеблин.

Сфинкс и Химера примостились обособленно на коричневом диванчике. И хотя оба этих человека принадлежали к женскому полу – лучших телохранителей найти было просто невозможно. Я даже не знал настоящих имен этих женщин. Все что я знал, сводилось к формуле: Сфинкс и Химера – лучшие специалисты в области индивидуального боя. Подготовку проходили в непревзойденной в этом деле имперской гвардии. Сфинкс получила свое прозвище за невозмутимость. Ходил слух, что однажды на глазах у Сфинкса убили ее мать, но девушка не издала ни звука, не дрогнула ни одним мускулом лица. Но если происхождение ее прозвища было понятно, то за что окрестили Химерой ничем не примечательную некрасивую женщину, я не имел представления. Даже догадаться не мог.

Опустившись в свое кресло, я блаженно расслабился. Больше всего мне хотелось сейчас поспать, прийти в себя, приглушить боль от потери Ангелины, но не было у меня на это времени.

– Сфинкс, Химера, я вызвал вас потому, что мне нужна круглосуточная охрана этого дома. Уже дважды сюда проникли. Я хочу знать как, через какую щель. Осмотрите весь дом. Можете приступить.

Сфинкс поднялась и, ни словом не обмолвившись, покинула кабинет. Химера вышла за ней.

– Гонза, ты обращался к хакерам?

– Файлы уже отправлены, – коротко ответил Кубинец, подумал и добавил: – К вечеру, возможно, будет результат.

– Теперь ты. – Я посмотрел на поручика Стеблина. – Что намерен предпринять Крабов?

– Думаю, ничего. – Стеблин неуверенно поерзал в кресле и добавил: – По крайней мере, мне он ни о чем не говорил.

– Что ж, на большее я и не рассчитывал.

– Но я кое-что успел сделать, – сообщил Стеблин, ухмыльнувшись. – Единственная зацепка с тем стариком, которого, кроме тебя, никто не видел.

– Кстати, как твоя голова? – перебил Стеблина Кубинец.

– Порядок. Врач осмотрел в камере. Продолжай. Стеблин грозно взглянул на Гонзу и вернулся к оборванной теме.

– Единственная зацепка-ниточка, ведущая к таинственному старику, – это глушитель. Ну, как и ежику понятно, отпечатки пальцев найдены только твои. Поэтому, если к чему и подкопаешься, так это глушитель. Эксперты сняли номер, установили дату выпуска. Сейчас пытаются отследить его путь с завода к покупателю. Быть может, выяснив, кто покупатель, мы выйдем на убийцу. Только это моя инициатива. Крабов о ней не в курсе, но скоро узнает.

Стеблин развел руками.

– Сколько у меня времени?

– До суда. Месяца два, – отозвался Евгений Постегайло.

– Три недели, – поправил Стеблин. – Крабов уже гонит к финишу. Для него это слишком выигрышная партия.

– Какие у меня шансы?

– Мизерные. Все факты указывают на тебя. На полицию надеяться... – Евгений Постегайло пренебрежительно скривился. – Они не станут из-за тебя напрягаться. Тем более Крабов. Он твердо убежден в твоей виновности. С моей точки зрения, Крабов презанятнейшая сволочь...

– Прошу не оскорблять Петра Петровича! – преданной овчаркой вступился поручик Стеблин.

– Простите. Я говорю то, что думаю, – хладным тоном отозвался Евгений Постегайло.

– Значит, мой единственный выход – найти убийцу Ангелины, – рассуждал я вслух.

– Вообще-то я нанял вас, чтобы вы нашли Романова, – напомнил мне Иероним Балаганов.

– Одно связано с другим, – парировал я. – Те, кто убил Плавникова, Ирисова, Ангелину и ее родителей, знают, где находится Романов. Правда, я думаю, и мы скоро узнаем, где он. – Я хлопнул в ладоши и алчно потер их друг о друга. – А пока, может, чего-нибудь выпьем? Не хотите ли пивка?

Но желающих не нашлось.

– В пиве – сила, в вине – мудрость, в воде – микробы. – Я поднялся было, чтобы принести напиток, но Кубинец оказался проворнее. – Господин Балаганов, – продолжил я, – временно я лишен возможности проводить расследование. По крайней мере, на легальном уровне. У меня отобрали лицензию.

– Приостановили, – поправил Стеблин.

– Хорошо. Приостановили. Но на этот случай мы и зарегистрировались с Гонзой как индивидуальные детективы, объединенные в агентство. Лицензию отобрали у меня, но не у него. Так что официально ваше дело продолжает Кубинец. А я становлюсь его помощником, оруженосцем, так сказать. Это формальность.

Дверь в кабинет отворилась, пропуская Гонзу с подносом, на котором стояло пять бутылок с моим фирменным «Туровским светлым» и пять искристых бокалов.

– Итак, уладив формальность, – я плеснул пиво в бокал, – можно перейти к существу. Так я вижу это дело на данный момент. Романов вовсе не исчез, а был похищен. Не думаю, что он еще жив.

Иероним Балаганов не изменился в лице. Равнодушный египетский лев.

– Похищен Роман Романов был из своего особняка. Нам потом нужно будет осмотреть его. – Я ошаршил господина Чистоплюя своей новостью.

– Но его видели. Как он садился в катер, – попробовал возразить Иероним Балаганов. – Его проводили до Адмиралтейского РАЯ.

– Видел его только Плавников. Шеф службы безопасности. Более никто. Затем Плавникова убивают. Перед гибелью он долго куда-то звонил. Вам не кажется это подозрительным?

Иероним Балаганов не ответил.

– Плавников участвовал в похищении. Он запрограммировал автопилот в «бентли» Романова. Засвидетельствовал, что Романов сел-таки в катер. А на VIP-паркинге отключил автоматику. У него имелась такая возможность, когда он в одиночку проверял катер.

– Плавников очень уважаемый специалист. Давно у нас работает, пользуется большим авторитетом.

То, что я говорил, господину Чистоплюю совсем не нравилось.

– На то, впрочем, и расчет. Только расплачиваться за операцию с ним не стали. Предпочли убить. – Я отпил пива и продолжил: – Если все происходило так, как я предположил, а для проверки этой версии мне нужно будет все же посетить особняк Романова, то напрашивается вопрос: зачем нужно было похищать Романова, при этом убивая Плавникова. Плавникову денег пожалели? Вздор! Для того чтобы решиться на такое дело, как похищение одного из самых богатых бизнесменов в Петрополисе, нужно обладать капиталом. Значит, вот в этом и есть зацепка. Стоит раскрутить линию Плавникова. Все его связи, реальные и возможные. Ведь его убрали вовсе не из-за того, что платить не хотели. Он мог вывести на похитителей или начать их шантажировать. Что также возможно. Стало быть, Плавников в похищении Романова заинтересован не был.

– Зачем же похитили Исаича? – Господин Чистоплюй по-

терял терпение.

– Потому что случайно или нарочно, но он что-то узнал. Весьма опасное. За такое обычно платят жизнью. Не просто узнал, а также намекнул заинтересованным лицам, что знает. С его стороны это было чистым идиотизмом.

– Но что же он узнал? – включился в беседу Стеблин.

Похоже, Гонза уже успел ввести его в курс дела. Поручик отлично понимал, о чем ведется разговор.

– Вот это и предстоит узнать, – ответил я, смачивая горло пивом. – Пока ясно одно: в чем бы ни заключалась тайна, она связана с именем Моисей.

– Библейский пророк, – отозвался Евгений Постегайло.

– Или какой-нибудь еврей, – подал версию Стеблин.

– Или кольцевая дамба, – предположил Иероним Балаганов.

Я уже дважды сталкивался с тем, что при упоминании слова «Моисей» называлась кольцевая дамба, носящая древнее имя. Дамба окружала город и регулировала уровень воды в каналах и реках.

– Или адвокатское бюро, – озвучил я свою версию.

Словно прочитав мои мысли, зазвонил телефон. Я поднял трубку и услышал Степана Прокуророва.

– Даг, привет. Я проверил твою информацию. Вот уж воистину переплетение событий.

– Слушаю, – напряженно произнес я.

– В Петрополисе есть тысячи Сельяновых. Еще больше

Родионов, но ни одного Родиона Сельянова. Это раз. А два – адвокатского бюро «Моисей» в Петрополисе не зарегистрировано.

Чего-то подобного я ожидал. Не мог ларчик, запертый на шифр из ста символов, открыться от щелчка.

– Я тебе помог, Даг?

– Не помог. Но прояснил, – отозвался я. – Вечером тебя ждать?

– Обязательно.

Я опустил трубку и печально оглядел присутствующих.

– Версия с адвокатской конторой отпадает, – разочарованно проговорил я.

Но продолжить обсуждение нам не удалось. Вновь запиликал телефон, Иероним Балаганов потянулся за своей трубкой. Минуту слушал молча. Мускулы лица господина Чистоплюя были недвижны, как мертвые воды Стикса. С таким же напряженным лицом он сложил трубку и убрал ее в карман. После чего поднял глаза и уставился на меня холодным черепашьим взглядом.

– Звонили из полиции, – сказал он. Я уже знал, что он скажет.

– Найден труп Исаича. – Он помолчал. – В Мойке. Вызвали для опознания в морг. Но сомнений быть не может. Все документы при нем. Это Исаич. В Мойке. Точно так. Истинно так.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Остров Новая Голландия – одно из загадочнейших мест Санкт-Петербурга – простирался от Новоадмиралтейского острова до проулка Труда, вбирая в себя стороной Мариинский театр и Мойку, омывавшую остров, как нежная сестра младшего брата. Новая Голландия притягивала потенциальных покойников, как средневековый замшелый замок призраков. Начиная с пьяного голландского матроса, еще в далеком восемнадцатом веке положившего начало длинной веренице убийств тем, что насадил на нож своего офицера. На него матрос давно зуб точил. С первого дня на флоте ему казалось, что офицер невзлюбил его и особо выделял, вешая на матроса каждую собаку, сдохшую на палубе. Может, так оно и было, а возможно, матрос был болен и его воспаленное воображение каждую незначительную деталь раздувало до размеров Тадж-Махала.

История не сохранила этот факт, как и имя матроса. Да и убийство Потерялось бы в ворохе невесомых событий, если бы не два «но». Первое – убитый офицер носил одну из самых родовитых фамилий Нидерландов. Мог разразиться международный скандал. Спасло положение только то, что убил офицера также голландец. Второе – убийство голландского морехода стало отправной точкой, вокзалом, откуда отправился поезд-смерть, с каждым годом-остановкой соби-

рая новых пассажиров. Кто только не оказался на этом поезде: случайные пассажиры, попавшиеся на гоп-стоп лодочников, несчастные влюбленные, почему-то избравшие Новую Голландию местом своего упокоения. Нищие и богатые, полицейские и воры, студенты и профессора. Новая Голландия не различала их. Она принимала каждого. Их было множество.

Миллионы незнакомых лиц. Старых и молодых. Листая годы, как страницы книги, можно сосчитать, что одних только убийств в Новой Голландии было совершено около восьми тысяч. Здесь был убит в 1894 году губернатор Санкт-Петербурга светлейший князь Даниил Святославович Вельяминов революционеркой Инной Семпирович. Сюда пришла женщина в намерении утопиться из трагического стихотворения Александра Блока «Из газет».

Встала в сияньи. Крестила детей. И дети увидели радостный сон. Положила, до полу клонясь головой, Последний земной поклон.

Поэтому я нисколько не удивился, узнав, что Романа Романова выловили в районе Новой Голландии. Все закономерно. Где ж его ловить, как не здесь. Такое уж жуткое и очаровательно прекрасное место.

На опознание с Иеронимом Балагановым я отправил Гонзу. Сам же выбрал для осмотра место обнаружения тела.

От нашего дома до Новой Голландии минут тридцать скорого хода. Я не особенно торопился. Снял с блокировки свой

катор, выставил автопилот, ввел маршрут, установил предел скорости и запустил мотор. Катер медленно вгрызся в волны, я расположился на диване, откинулся на подушки и попытался заснуть, но мысли не давали покоя, рассеяв всю усталость.

Я никак не мог понять, зачем было требовать от меня отказа от дела, а затем убивать самых дорогих мне людей. Таким поступком можно достигнуть только обратного эффекта. Либо люди, убившие Ангелину, полные недоумки, что маловероятно. Мысли пьянили, терзали, не давали покоя.

Чтобы как-то избавиться от них и заглушить плеск воды за кормой, я включил телевизор. Отщелкал все «мыло», транслируемое в этот час, переключил концерт Лени Кравитца в Нью-Йорке и остановился на выпуске новостей. Муссировалась тема предстоящего юбилея Санкт-Петербурга, одновременно с этим на все лады склонялась фигура губернатора Пятиримова. Я не желал в который раз слушать о казнокрадстве и убрал звук. Немые картинки: панорамы города и вставочные сцены из интервью с губернатором – параноидальный коллаж. Я прикрыл глаза, а когда вновь посмотрел на телеэкран, с него мне улыбнулась статуя Будды, впрочем тут же сменившаяся урбанистическим пейзажем индийской столицы. Я вернул звук. Журналист рассказывал о запуске первого индийского пилотируемого космического корабля к Луне. Корабль был построен в России. Здесь же обучали индийский экипаж, разбавленный русским бортинженером.

Я дважды протяжно и заунывно зевнул и выключил телевизор.

Катер, взрезая игривую волну, вплывал в Мойку. Промелькнул над головой Матисов мост. Я лицезрел его каменную дугу сквозь широкий застекленный люк в крыше. Вот показалась Новая Голландия – одно из самых зеленых мест города, – увенчанная резной аркой, как короной.

Я взял управление на себя, сняв автопилот, и сбавил ход. Теперь катер шел тихо и плавно, точно прогулочный.

Я сбросил с себя пиджак и, ослабив узел галстука, вышел на верхнюю палубу, где перехватил управление на внешнем штурвале.

Полицейские катера я увидел в последний момент, когда уже не отвернуть, да и изобразить праздношатающегося также не удастся. Три малых «форда» с синими бортами и мигалками окружили узкий пяточок свободной воды и мерно раскачивались на легкой волне. Набережная Новой Голландии была пустынна, как земля, встретившая Адама и Еву после изгнания из Рая. Только пять служителей порядка разгуливали вдоль воды, присматривая за обстановкой. Между бортами катеров мне удалось разглядеть красный буюк, каковым было отмечено местоположение извлеченного утопленника. Но работы были уже прекращены. Все, что полиция могла, она уже успела сделать. Охрана возле места обнаружения тела оставалась больше для видимости.

Я спустился в каюту и спрятал пистолет. На всякий, как

говорится, непредвиденный случай. Вдруг у полиции любопытство проснется. Вернувшись на палубу, я аккуратно направил катер к скоплению бело-синих катеров.

Ветер усилился, поэтому я не расслышал окрика. Он унесся в сторону и затерялся где-то на острове среди маленьких двухэтажных особнячков, утопающих в зелени и цветах.

Второй окрик, исполненный зычности и силы, сломил преграду стихии:

– Немедленно прекратите движение! Место оцеплено!

Но я не обратил на него внимания и приблизился настолько, что мой борт царапнул полицейский. Из палубной надстройки выбежали трое стражей порядка, заголосивших, как гуси, разбудившие своим гоготом граждан свободного Рима, когда враги ночью вероломно пытались взобраться на стены города.

– Что здесь происходит? – злобно поинтересовался я, перепрыгивая к леерному ограждению.

– Вы что, не слышали?! Здесь перегорожено. Нет проезда, – отозвался пожилой патрульный, старательно молодящийся. Это было видно по его крашеной шевелюре цвета воронова крыла.

Убедившись, что и без их присутствия здесь справятся, двое оставшихся вернулись в каюту, где, судя по возгласам, играли во что-то азартное и на сто процентов виртуальное.

Пожилой был не прочь поболтать. Ему было неинтересно или не нашлось места в партии с сослуживцами. Свежий

воздух, по-петропольски промозглый и пьянящий, и безделье располагали к философствованию и разговорам.

– Что случилось-то? – нарочито безразлично спросил я, доставая из пиджака портсигар и извлекая сигареллу марки «Кафе Крем».

Постучав ею о крышку портсигара, словно это была не сигарелла, а дешёвая папироса с набитой в нее анашой, я забросил пластиковый мундштук в рот и закурил.

– Угощайтесь. – Я протянул портсигар служителю закона.

– С удовольствием, – пробурчал он, извлекая сигареллу для себя. – Сегодня труп выловили. Прямо на этом месте.

Он вернул портсигар и одолжился зажигалкой.

– Доложили жители. Из особняка. Они утром утопленника и обнаружили. А вот нам здесь и торчать. Тело-то давно забрали, да оцепление пока не сняли.

Мы дымили ядреным табачком. Густые клубы дыма поднимались над нами и растворялись в тумане.

– Говорят, какого-то важного типа утопили. Вся городская верхушка собралась, – продолжал полицейский. – Все утро совещались. Даже вроде губернатора вызвали. Меня-то здесь не было. Я, как водится, только на дежурство заступил, а тут сразу сюда. Начальство-то тело приказало изъять. Выловить-то выловили. Эксперты покрутились. Все вроде уладили. Сфотографировали. Полная зачистка местности. А нас пока не сняли. Говорили, дело государственной важности. Заказное убийство.

– Когда выловили-то? – поинтересовался я между затяжками. – Холодного?

– Что-то около семи. Я же говорил.

Вдруг полицейского охватила подозрительность. Он даже сигареллу изо рта вынул, внимательно осмотрел, точно подозревая в ней английского шпиона, и приготовился отправить ее за борт.

– А ты чего здесь ошиваешься-то? – набросился на меня собеседник, внезапно перейдя на ты.

– Я сыщик. Частный. Раньше, как и ты, в органах чалился, а теперь вот на вольных хлебах. За супругой одного олуха следил, да вот возле Новой Голландии и упустил, – неспешно, как бы не замечая червя подозрительности, что вгрызался, бороздя туннели, в душу полицейского, произнес я.

– Где служил-то раньше? – спросил он.

– На Васильевском. У Крабова. – Как к месту пришелся инспектор.

Полицейский поуспокоился, признал своего, расслабился и вернул сигареллу из опалы.

– Как на вольных-то?

– Бывает густо, а иногда пусто, – отозвался я. Из полицейской каюты показался молодой сержант.

– Розыч, шеф звонил. Оцепление снимаем. Бук надо выловить.

Пожилой нахмурился, затушил сигареллу и метнул ее в палубный мусоросжигатель. Не попал, и мундштук с окур-

ком, прокатившись по палубе, исчез в водах.

– Служба, брат, – с сожалением кивнул полицейский и протянул мне через палубу руку. – Ну, бывай. Если погонят со службы, пристроишь. Я в наружке силен.

– Без проблем.

Я протянул ему визитную карточку конкурентов. Парочка их для отвода глаз всегда лежала у меня в бумажнике.

Все, что мог вытянуть из патрульных, я извлек. Но информации было катастрофически мало. Единственное, что оставалось – идея, конечно, не нова, – это обойти соседние особнячки и порасспросить местных. Может, кто что видел. Я вернулся к штурвалу, запустил мотор и направил катер к причалу.

Включив сигнализацию, я покинул палубу. Вальяжной прогулочной походкой я двинулся вдоль причала, наблюдая, как полицейские выдергивают из воды буюк и заводят моторы. С палубы одного из катеров мне помахал рукой недавний знакомый и скрылся из глаз.

Полиция уходила из Новой Голландии.

Что я ожидал обнаружить на месте извлечения тела? В сущности ничего. Разве что показания очевидцев, способных замолчать в присутствии полиции и разговориться при виде рублевой банкноты. Но очевидцами меня судьба не баловала.

Я с первого взгляда наметил для себя три перспективные точки. Три особняка, окна которых выходили на тупи-

чок, где плавал поутру покойный Романов. Двухэтажные, скучные, с балконами, увитыми цветами, и болотно-серыми стенами, особняки выглядели на этом дивном острове пришельцами из прошлого века. Поразительная особенность Санкт-Петербурга сочетать несочетаемое. На одном перекрестке могут соседствовать стоэтажный небоскреб и витиеватый собор, выстроенный в середине восемнадцатого века. Что самое поразительное, оба здания смотрелись рядом, точно два кровных брата. Смею утверждать, что нигде в мире подобный градостроительный эксперимент повторить невозможно.

Я избрал первый маленький особняк, взбежал по ступенькам мимо цветущего кустарника и настойчиво протрезвонил в дверной звонок, стараясь унять легкое волнение. Роль напористого, немного хамоватого нувориша всегда давалась мне нелегко. Не любил я эту категорию лиц.

Открыли дверь спустя минут десять. Я уже потерял терпение и решил, что в доме никого нет. Направился прочь. И даже спустился на три ступени, как дверь резко распахнулась и в мой нос шибанул ужасно крепкий алкогольный дух. Полный обонятельный нокаут. Я покачнулся, но устоял.

– Чего надо?! – прорычало разбуженное дикое животное с порога.

Я обернулся. Надо мной возвышался небритый массивный мужчина с красными кроличьими глазами, в порванной грязной майке с сальными пятнами и в разношенных до

мешкообразного состояния тренировочных штангах.

– Чего надо, говорю?! – зло провопил мужик.

– Опохмелиться хочешь? – Я верно угадал его желание.

– А як же, – призывно икнул он. Я извлек из бумажника рубль и зазывно похрустел банкнотой перед его измятым серым лицом.

– Кто сегодня ночью под твоими окнами на катере сшивался?

– Да. – Мужик почесал макушку лапищей. – Был шумок какой-то, но откуда знать-то. Я не любопытный. Каждому свое место. Чего соваться то буду.

– Извини. Плачу только за любопытство.

Банкнота по волшебному мановению скрылась в недрах бумажника.

Я развернулся и направился на набережную, но не успел переступить и двух ступенек, как почувствовал, что теряю связь с почвой. Непохмеленный мужик сгреб меня и повлек к себе, свободной рукой пытаюсь нашарить в кармане пиджака бумажник. Не раздумывая, я нырнул к земле, цепляясь за его столбы-руки, что тискали мое плечо, и рванул их на себя, перебрасывая через голову массивное медвежье тело. Большой с попойки и оттого опасный мужик закувыркался по ступенькам и затих в тени кустарников на набережной. Громко застонал. Жалобно.

Я скривился. Потер рукой ушибленное плечо и продолжил путь.

Во втором доме мне никто не открыл. Дом выглядел пустынным, заброшенным, пыльным. Он весь зарос вьющимся сорняком, опутавшим стены и окна, как паук несчастное тело жертвы.

В третьем доме меня настигла удача. Не успел я дотянуться до звонка, как дверь распахнулась. Высокий костистый старик, напомилавший селедку, испуганно выглянул из дома и поманил меня к себе.

– Наконец-то вы прибыли. Я давно жду. Проходите. Проходите. Их тут много. Вам нельзя показываться им на глаза.

Старичок был напуган и суетлив. Он буквально впихнул меня в дом, закрыл дверь, плотно запер на два цифровых замка и цепочку. Расторопно подбежал к окну и, чуть отогнув занавеску, выглянул на улицу. Минуту он возвышался, как изваяние.

Только тут я заметил, что старик одет в затертую до дыр и попорченную молью дипломатическую форму. Лишь золотые, начищенные до блеска пуговицы с двуглавым орлом напоминали о былом величии. Если передо мной действительно стоял бывший дипломат, то когда-то он занимал незначительную должность, да и со сцены сошел лет тридцать – сорок назад. Форму такого фасона упразднили именно тогда.

«Сколько же лет старичку?» – подумалось мне.

И тут же подобрался ответ – за девяносто.

Хорошая композиция.

Старик обернулся ко мне, приложил палец к сухому, по-

еденному морщинами и трещинами рту, и помахал рукой в направлении комнаты, откуда пробивался тусклый свет в темный мрачный холл, заставленный массивными вещами.

В комнату старик вошел вслед за мной. Плотно закрыл дверь, запер ее на цифровой замок, накинул щеколду и подкрался к окну. Аккуратно приоткрыл занавеску и одним глазом выставился на улицу. Удовлетворившись увиденным, старик прошаркал к креслу, где спал невероятно толстый и пушистый кот рыжего окраса с белыми полосами, точно в ореховый крем вложили сливочную прослойку. Старик выкинул кота с нагретого места и медленно, точно в покadroвом воспроизведении, водрузился в кресло.

Я нерешительно осмотрелся по сторонам. Пыльный кабинет. Длинные и унылые книжные стеллажи, которые солнечный свет обнимал раз в два года, когда старик забывал задернуть шторы. Груды вещей. Рубашки и брюки, раскиданные по стульям с высокими резными спинками. Они лежали и на диване поверх коробок с виниловыми пластинками. Один взгляд на верхнюю обложку. «Евгений Онегин» Чайковского. И некуда присесть. Эта комната существовала для вещей, но вовсе не для человека.

– Присаживайтесь, молодой человек! Присаживайтесь! – прокрипел старик, указывая на диван.

Я подвинул пластинки, переложил одежду и примостился на краешке.

– Извините, вы... – Я только открыл рот, как меня тут же

перебили:

– Знаю. Знаю, молодой человек. Я давно вас ждал.

Старик зловеще улыбнулся. Я не видел его лица, но улыбка выглянула из сумрака, напоминая Чеширского кота.

– Вы правильно сделали, что пришли ко мне. Я многое знаю, молодой человек. – Старик наклонился ко мне, вынырнул из сумрака и зашептал: – Я многое знаю. Я давно здесь живу. И очень много знаю.

Я почувствовал, что попал. Старичок-то сумасшедший. Глаза сверкают, как у берсерка при виде крови, бьющей из брюха врага, но отступить поздно. Может, и выведаю что полезное.

– Я знаю, где находится подлинная могила Гомера. Да, мне ведома сия тайна. Только, молодой человек, никому не говорите об этом. За эту тайну многие положили свои жизни. – Старик заозирался по сторонам, вскочил, подкрался к двери, приложил ухо к поверхности и вслушался. Ничего не разобрав, он подкрался ко мне и учащенно зашептал: – Мне точно известно, что находится под нами. По-настоящему. Глубоко-глубоко. Там много пустоты.

– А вы знаете, что было утром сегодня? У ваших окон? – перебил я странного старика.

– Вы об этом? – удивился он. – Конечно, знаю. Я знаю все. Я видел, как выкидывали тело. Я напрягся, подвинулся поближе к старику.

– Кто? – выпалил я вопрос. – Кого вы видели?

– Людей. Много. Человек десять. На двух катерах. Они подошли на волне, заглушив двигатели. Потом всплеск... и удар о воду... – Старик как-то странно всплеснул руками.

Он вернулся в кресло, став похожим на каменное изваяние льва на Адмиралтейской набережной.

– И среди них я видел человека. Большого человека. Телевизион... – Договорить бывший дипломат не сумел.

Щелкнуло оконное стекло, разлетаясь на мелкие осколки. Вздрогнула штора, прошитая насквозь. Дернулась голова старика и бессильно упала на грудь. Кровь хлынула из дырки в черепе и изо рта. Он замолчал навсегда.

Я бросился к окну, выхватывая пистолет и осторожно выглядывая из-за шторы. Черный силуэт, мелькнувший на крыше соседнего, давно заброшенного дома, появился на краю крыши и нырнул в воду Мойки.

Я вылетел из дома старого мидовца и кинулся к воде. Пусто. Никого нет. Спокойная черная гладь воды. Я спрятал пистолет в кобуру и бегом бросился к пустующему дому. Высадив входную дверь и перепрыгивая через ступеньки, взбежал на крышу, но, как и ожидалось, ничего не обнаружил, кроме снайперской винтовки и гильзы, еще воняющей порохом. Гильзу я прихватил, засунул в карман и поспешил уйти, пока не появилась полиция и с ней лишние вопросы – вредные для меня в нынешнем положении, когда я без лицензии.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Путь к дому, трасса, изученная вдоль и поперек. Включил автопилот, вышел на палубу, облокотился на поручни и напряженно всмотрелся в черную беспокойную воду. На душе было пасмурно, как в холодный промозглый день, когда выбрался на улицу в одной футболке. А ледяные капли сливаются в морозный поток, что обдаёт тебя и пригибает к земле. Я любовался волнами, а они обволакивали сознание, вызывая воспоминания. Мысли-картинки. И только об Ангелине. Мне не хватало ее, хотя я старался углубиться полностью в проблему, требовавшую немедленного решения. И это снимало напряжение, заполняло пустоту, как раковая опухоль расплывавшаяся по моей душе, отравляя существование. Я знал, что должен добраться до человека, совершившего убийство, и до заказчика этого преступления. У меня был кровавый долг, требовавший немедленного воздаяния. Закон Иисуса о двух щеках почему-то не подходил мне, как, впрочем, и всему цивилизованному миру. Мир жил и принимал закон Моисея «око за око, зуб за зуб». Он призывал к жизни и учил борьбе. В то время как закон о двух щеках учил всепрощению. Но всепрощения в моей душе не было. Ни грамма. Только злость. Выжженная черная степь, где ни одной зеленой травинки не осталось, как после лютого нашествия врага. Я видел в траурных волнах отражение

своей души. Иногда в зеркальном мерцании воды мне мерещилась Ангелина. Хотелось закрыть глаза и спрятаться от ее укоризненного взгляда, но я не делал этого. Старался всмотреться глубже в ее глаза, где мечтал прочесть какую-нибудь подсказку, направление для своих поисков, но лик ее тут же дробился, рассыпался на множество мелких иконок и плавно исчезал, убаюкивая и мерцая.

Я сбросил дремоту, раздраженно покачал головой и обнаружил, что уже нахожусь в Большой Неве. Слева осталась стрелка Васильевского острова, которую безуспешно штурмовали гневные волны, и... Я заметил их случайно. Маленький юркий катер марки «гелиос» цвета весеннего неба. Он медленно шел в кильватер ко мне, точно прогулочный тихоход. Заметив его, я понял, что уже видел это суденышко. Оно стояло на причале у Новой Голландии, когда я отчалил. Несколько раз, когда я выныривал из воспоминаний, этот катерок мелькал на периферии моего взгляда. Хвост. Кто-то следил за мной. Но вот кто? Убийцы Ангелины?

Ярость затопила мой мозг.

Вместо того чтобы проигнорировать присутствие чужака позади себя, я бросился в каюту, снял автопилот, вцепился в штурвал и резко вошел в вираж, разворачиваясь. Я мечтал уничтожить преследователей, растереть их, протаранить, пустить на дно, накормить ими рыбу. Но, заметив, что обнаружены, наблюдатели поспешно ретировались, отвернув в сторону Адмиралтейства. Увидев, как они исчезают в одной

из арок Адмиралтейского РАЯ, я успокоился. Ярость испарилась.

Я глубоко вздохнул, точно от тяжелой болезни освободился, и вернулся на прежний маршрут. Приступ ярости высвободил энергию моей души из оков горя. Я чувствовал себя злым, но готовым к бою.

Я ворвался в особняк на канале Беринга, как торнадо на маленький заснеженный островок, где из сугробов торчат две печные трубы, и тут же был скручен Химерой. Она напрыгнула откуда-то сверху, повалила на пол, попыталась скрутить и надеть что-то металлическое на руки. Я отплевывался, пытаюсь закричать, и барахтался как утопающий на ломком весеннем льду. В конце концов мне удалось подать голос – тонкий, опасно злой:

– Отпусти! Свои! Хватка ослабла.

– Это я, Даг. Что облапила, как медведь-шатун.

Давление сверху исчезло. Меня ухватили под мышки и помогли подняться. Я зловеще посмотрел на Химеру, нагло, нисколько не смущаясь, взиравшую на меня сверху вниз. Из приемного кабинета выскочил помятый, задерганный Гонза. Увидев меня, он неожиданно расхохотался.

– Что смешного? – озлобленно спросил я.

– Попался, Даг. Зачем дверь ключами открывал? Нет чтобы позвонить. Вот девочки и среагировали, – сквозь смех проговорил Кубинец.

– Молодцы, – сурово, не скрывая своего раздражения,

сказал я. – Я еще в собственный дом звонить должен. Может, проще запись ввести, И пароль на вход. А тех, кто не знает, сразу к стенке.

Химера исчезла. Стояла за моей спиной, и вот ее уже нет. Я даже не почувствовал движение воздуха, так незаметно она исчезла.

– Ладно, Даг. – Гонза примирительно вытянул вперед руки. – Девочка правильно сработала.

Я глухо прорычал замысловатое ругательство, отстранил со своего пути Кубинца и прошел в приемную. Облегченно развалился в кресле, закинул ноги на стол, достал из-под стола бутылку темного пива собственного изготовления, скинул пробку и с большим удовольствием сделал два полных глотка.

– Между прочим, девочки сегодня на славу потрудились, – сообщил Кубинец, улегшись на диван. – Они нашли, как убийцы проникли в дом.

– У-у-у, – проурчал я.

– С соседней крыши перебрались. А с нашей в дом вел ход, причем неслабо замаскированный. И не найдешь ведь, если не знать и не искать. Химера случайно наткнулась. Фальшивая труба, представляешь?! При нажатии на запрятанные кнопки труба медленно сдвигалась в сторону, открывая спуск. Там лестница. Все цивильно. Никакой гари и копоти. По этому ходу убийцы вошли, похозяничали и ушли, никем не замеченные.

– Значит, у убийц и их конкурентов был архитектурный план дома, – весьма здраво рассудил я. – А домик-то наш какого года постройки?

– Старенький. Века девятнадцатого.

– Значит, план дома найти трудновато.

– Логично мыслишь, – согласился Кубинец.

– А ведь это зацепка. Вряд ли нашим домом интересовалось больше десяти человек. Можно проверить каждого. Остается только заполучить информацию. А где у нас можно ознакомиться с архитектурными чертежами?

– В градостроительном управлении. В архиве, – подсказал Гонза.

– Все. Я поехал. – Я уже собрался выпрыгнуть из-за стола, но Кубинец меня остановил:

– Подожди. Тебе разве не интересно, что в морге обнаружили?

– Почему. Все интересно. Я просто забыл, – признался я.

– Балаганов опознал Романова.

– В этом я не сомневался.

– Исаича задушили. Отчетливые следы от удавки на шее, но полиция уже сделала свои выводы.

Я вопросительно посмотрел на Кубинца. Мои глаза выражали фразу «не тяни».

– Самоубийство, – ошаршил меня новостью Гонза.

Я сглотнул слюну удивления и переспросил:

– То есть как?

– Очень просто. Самоубийство. И все. Никаких иных версий. Следствие уже закончено.

– А следы на шее?

– Остались от неудачной попытки повеситься.

Большого бреда я никогда в жизни не слышал. Конечно, дело Романова могло свободно обратиться в висяк, нераскрытое преступление, но чтобы столь нагло сбрасывать ситуацию с кона!

– Наша полиция свихнулась, – вынес я вердикт.

– Похоже на то, – согласился Гонза.

– Кстати, на месте обнаружения тела побывала практически вся верхушка города, – сообщил я.

Я подробно рассказал об итогах своей поездки, перелил всю информацию, которую удалось заполучить от скучающего полицейского и полусумасшедшего старика, поведал о новом убийстве и назойливом хвосте, следовавшем за мной до акватории Невы.

Кубинец выслушал внимательно. Ни разу не перебил. В конце высказал гипотезу:

– Тут все неспроста.

– И я о том же. Значит, я поехал в градостроительное управление. Покопаюсь в архиве. Если кто что, то буду через пару часиков. Ты, кстати, не забыл, что сегодня приедет Прокуроров?

– Признаться, из головы совсем вылетело.

– Подготовь площадку. Закажи ужин, – распорядился я. –

Ты Балаганова проинформировал о дополнительных расходах в связи с наймом Химеры и Сфинкса?

– Ага. Ему это не по вкусу пришлось.

– Ничего. Скушает. Хочешь результат, тряси мощной, – мечтательно произнес я первый догмат своей философии.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Площадь Ломоносова. В центре маленький уютный скверик с таким же крохотным уютным памятником – бюст великого ученого, утопающий в зелени и позеленевший от времени. Кустарники и скамейки. На них вечно сидели люди – те, кто ожидал назначенную встречу, празднующиеся, студенты – через Фонтанку находился Университет холода и пищевой промышленности – и просто бомжи. Сквер кольцом обжимал канал Ломоносова, в водах которого движение было настолько интенсивным, что постовых на этом пяточке было вдвое больше, чем где-нибудь еще. По другую сторону канала располагались административные здания – градостроительное управление, куда я стремился, и управление недвижимости. Двойная арка уводила к Гостиному двору и к Невскому каналу. Чуть в стороне от канала ответвлялась широкая протока, вымощенная гранитом. Она уходила к Апраксиному двору, где в любое время года и при любой погоде царила живая атмосфера торговли. Множество приезжих, в основном выходцы с Кавказа – они управляли на этой обширной, никому не подконтрольной территории. Даже полиция старалась не приближаться к этому словно бы заколдованному местечку. Здесь могли стоять два стража порядка с видом скучающих бездельников, а в двух шагах мошенники раскручивали на крупные суммы лопухообразных

граждан. Мало того, если бы кому-нибудь из обиженных и разоренных вздумалось бы воззвать о помощи к служителям закона – реакция была бы удручающей и непредсказуемой. Мошенники – в народе их прозвали «лохотронщики» – вполне могли стать пострадавшей стороной. И уже пострадавший был бы отправлен в околоток для дознания. Такое парадоксальное место, где все встает с ног на голову, где черное, оставаясь черным, превращается в белое. Там перестают действовать все законы общества и процветают законы дикого рынка. Спinoй к Апраксиному двору примыкал Большой Драматический театр и здание Петропольиздата – некогда процветающего государственного предприятия, ныне же захудалого, полунищего заведения. Такова насмешка жизни над горожанами. Немыслимое сочетание в немислимом месте. А ведь еще задолго до основания Санкт-Петербурга на этом месте находилась деревня барона Чука – шведского помещика, никогда, впрочем, и не бывавшего на этом богом забытом болоте. Деревня носила звучное имя – Чукония, но была чуть ли не самой бедной в округе. Отчего соседи из других деревень потешались над оборванцами из Чуконии. Деревня, чьи жители занимались тем, чем обычно занимаются крестьяне, постепенно катящиеся в глубокую пропасть. Никто ничего не делал, да и не помышлял о праведном труде. Но ведь кушать хочется. И тогда Чукония обратилась в чудовищный рассадник воров и убийц. Жители этой деревушки перестроили свои дома так, чтобы стояли они кругом,

и окружили избы частоколом. Позднее, когда вырос город, он впитал в себя прежнюю планировку, и площадь, оказавшаяся здесь, обрела круглую форму.

Но я направлялся сюда не для того, чтобы предаваться историческим изысканиям. Мой путь пролегал в градостроительное управление. Когда я подъехал к парадному входу с железной табличкой возле больших дубовых дверей, мест на парковке не оказалось. Все пространство причала было забито катерами с государственными номерами. Делать ничего не оставалось, как искать парковку где-то дальше. Я аккуратно свернул в канал, что уводил от площади к Апраксиному двору, и тут же нашел пустое место на платной парковке. Заведя катер в причальный бокс, я активировал системы сигнализации (все три, что находились на моей посудине) и, задрав капитанскую рубку, покинул борт. Перепрыгнув на причал, я оказался в компании парковщика, который шикарно улыбнулся мне и нелюбезно попросил «подбросить денежку». Я улыбнулся, но монету выложил. Требование служащего было вполне справедливым. Уладив формальности, я неспешным прогулочным шагом отправился по набережной к желтому зданию градостроительного управления.

День выдался на редкость чудесным. Солнечным, насыщенным теплом и оттого вызывавшим раздражение. Привычная петропольская погода куда-то пропала из города. Взяла отпуск и отправилась на Багамы, где, как поговаривают синоптики и путешественники, уже четвертую неделю ли-

ли сплошные траурные дожди, а небо напоминало грязную протухшую простыню, которую выбросили под дождь, да и не вспоминали о ее существовании целый год.

Счастливые лица людей, казалось, только и занимающихся тем, что прогуливаются по городу и выказывают всем встречным свое цветущее настроение. Эти сказочные улыбки, радостные разговоры и блестящие глаза слишком уж не гармонировали с моим душевным состоянием. Мир цветет и торжествует, а Ангелина не видит всего этого. Ее просто нет. Сознание заволочка грусть. В таком настроении я взялся за позолоченную ручку парадных дверей градостроительного управления и потянул на себя. Дверь оказалась тугой. Каждый раз, когда я представал перед дверями государственного учреждения, на ум приходила мысль, что двери специально сажают на грандиозно тугую пружину, чтобы половина посетителей отсеивалась, даже не переступив порог.

Я же порог переступил.

Роскошный вестибюль совершенно безлюден. Зеркала, ковры и хрусталь – непременная атрибутика подобных заведений. Да двуглавый орел, висящий над парадной лестницей. Путь к лестнице преграждала будка, где дремал охранник, но при моем появлении бдительный страж проснулся, сбросил с себя оцепенение и угрюмо уставился на меня.

– Доброе утро, – учтиво поздоровался я.

– Угу! – буркнул секьюрити.

– Мне нужно пройти в архив.

– Документы.

Я протянул ему паспорт. Он неловко взглянул на него и выронил. Несколько минут он искал красную книжицу на полу. Обнаружив ее, переписал мои данные в журнал посетителей и вернул документ.

– Второй этаж. Комната сто двадцать четыре.

Я кивнул вместо благодарности и взбежал по ступенькам широкой лестницы, где одновременно могли бы подняться человек пятнадцать, выстроившись в шеренгу. Комнату сто двадцать четыре я отыскал с трудом. Запутанные коридоры, изгибающиеся и разветвляющиеся, точно в лабиринте, – плод того, что здание строилось и перестраивалось в течение всего своего существования. Комнату я обнаружил после долгого плутания по переходам и закоулкам. Кого я только ни спрашивал, ни просил о помощи, но необычайно занятые чиновники отмахивались, слово я умолял их о какой-то денежной сумме. В конце концов, когда я разозлился до состояния умопомрачения и схватил за грудки попавшегося под горячую руку молодого человека, торопящегося куда-то с кипой бумаг, то получил всю информацию. Мальчишка сперва отбрыкивался, а затем все выложил как на духу, даже посмеялся над моими злоключениями, впрочем на этом не закончившимися.

Комната номер сто двадцать четыре отказалась открываться. Она оказалась попросту запертой. Я опустился в кресло, рассчитанное на ожидающих посетителей. Судя по

потертости обивки сиденья, посетители часто страдали от равнодушия служащих архива. Я даже порадовался, что не захватил с собой пистолет, слишком уж велико искушение – открыть пальбу по чиновникам, когда они появятся.

Ждать пришлось долго. Мучительно долго. Мучительно, потому что из занятий у меня были только мысли. Неизбежные мысли. Я вернулся к образу Ангелины – печальному и нежно любимому. Погрузился в некое тягучее беспмятство, из которого меня вывел небрежный оклик:

– Что вам надо?

Я раскрыл глаза, зажмурился от слишком яркого света и обнаружил, что надо мной нависает одутловатое красное лицо мужчины с черными густыми усами и бритой головой.

– Я, собственно, к вам по делу, – сурово сказал я, поднимаясь.

– Отлично. Проходите.

Мужчина открыл дверь и пропустил меня вперед. Но зашел не один. В дверях его нагнал старик лет сорока пяти. Старик потому, что, несмотря на его относительно моложавый вид, вел он себя так, точно провел на этом свете лет семьдесят как минимум.

Старик нахмурился, прошаркал в дальнюю часть кабинета, где уселся за компьютерный стол и оживил машину. Он, казалось, потерял к окружающему миру всякий интерес, но я заметил, что чиновник внимательно прислушивается ко всему, что происходит в комнате.

Хозяин кабинета обогнул рабочий стол и сел.

– Я слушаю вас.

– Вы знаете, у меня несколько деликатное дело... – начал я издалека, присаживаясь на жесткое посетительское кресло.

– Да, – рассеянно согласился чиновник.

– Я недавно купил дом на канале Беринга.

– Адрес, пожалуйста.

Я продиктовал ему адрес. Чиновник занес его в компьютер и терпеливо уставился на монитор. Машина – старая. Мыслит тяжело, как тягловая лошадь, зажившаяся на свете, но все еще продолжающая таскать грузы.

– Суть вашего обращения? – поинтересовался бюрократ.

– Я хотел бы ознакомиться с планом своего дома.

Компьютер выдал ответ на запрос. Чиновник нахмурился, но ничего не сказал. Он защелкал мышкой, открывая какие-то документы, проплясал на клавишах текст и нажал «enter». Зашумел принтер, выдавливая из себя страницу, и через минуту чиновник протянул мне бланк.

– Распишитесь, – потребовал он. Я легко размашисто оставил росчерк и вернул бумагу.

– Через два часа ваш заказ будет выполнен. Вот вам квитанция на оплату. В любом отделении Госкредитбанка.

Я взял квитанцию и упрятал ее в карман.

– Скажите, а могу я посмотреть план какого-нибудь другого дома?

– Вообще-то это запрещено, но... – чиновник замялся,

словно девушка на первом свидании, – возможно, при ряде условий.

– Какие условия? – спросил я.

– Ну, дом продается. Или требует представитель государственной организации. Или при наличии моей благосклонности, – последние слова он буквально прошептал.

– А не могли бы вы сказать, – я потянулся за бумажником и вытащил две хрустящие рублевые купюры, – кто-нибудь интересовался моим домом?

– Вообще-то через меня этот адрес не проходил, – расстроился чиновник, алчно облизнулся и обернулся к старику, проверяя, не слышит ли он наш разговор.

Но второй чиновник, казалось, был погружен в собственные мысли, листая что-то в папке скоросшивателя. Я же видел, что он внимательно прислушивается к нашему разговору, стараясь не пропустить ни слова.

Я сделал вид, что убираю купюры. Чиновник расстроился вконец. Я вдруг засомневался в своем движении и купюры вернулись на прежнее место.

– Скажите, а можно ли узнать, интересовался ли кто-нибудь официально моим домом? В ближайший месяц, к примеру.

– Нет ничего проще, – обрадовался чиновник. – У нас все фиксируется в журнале посещений. – Чиновник подскочил со своего кресла и бросился исполнять мою просьбу. Через минуту он вернулся, держа в руках толстый журнал, похожий

на амбарную книгу. – Сейчас мы посмотрим. Сейчас мы все проверим, – бормотал чиновник, листая журнал.

Счастливое лицо его тускнело на глазах. С каждым переверотом страницы взгляд становился все печальнее и печальнее.

– Что-то случилось?

– Да, – рассеянно произнес чиновник с видом человека, не понимающего, почему два плюс два равняется четыре, – тут нескольких страниц не хватает.

– Каких страниц? – насторожившись, поинтересовался я.

– Тех... которые... ну, где были указаны запросы как раз по вашему дому.

– Поразительно, – изумился я.

– Да. Страницы вырваны. Полностью. Сплошняком.

Чиновник был ужасно раздосадован. Он так мечтал заполучить деньги и уже видел их в своем кармане, что, когда ситуация обламывалась на самом пике, переносил это с трудом. Вид при этом имел весьма раздосадованный.

– Я попробую. Обычно журнал заказов дублируется в памяти компьютера. Я сейчас посмотрю.

Чиновник защелкал на клавишах и через минуту замер. Словно внезапно у него остановилось сердце. Руки зависли над клавиатурой. Он был явно ошарашен увиденным.

– Вы знаете. Я ничем не смогу вам помочь, – пробормотал он.

– Как хотите. – Я спрятал купюры в бумажник.

– Я прекрасно помню, что вносил информацию в память. Но она отсутствует.

Все встало на свои места. До меня здесь кто-то побывал и подчистил память компьютера и журнала. Ловить больше нечего.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Кто мог выкрасть страницы из журнала посещений и подчистить файлы?

Подозрительные мысли витали в моей голове, пока я сбегал по мраморным ступенькам, укутанным ковром. Я уже успел добраться до подножия лестницы, когда меня нагнали и резко хлопнули по плечу. Я обернулся и обнаружил, что второй чиновник – старик – стоит за моей спиной и пытается отдышаться, унять учащенное сердцебиение и показывает что-то знаками. Я расшифровал смысл его послания. Он указывал на коридор, уводивший на первый этаж.

Я не стал возражать, задавать глупые вопросы. Отвернулся и с видом ужасно делового и оттого надутого бизнесмена пошел по указанному направлению. Я дважды свернул в лабиринте коридора, пока не достиг мужского туалета. Открыв лакированную дверь, я вошел внутрь. Зеркала повсюду, чистый розовый кафель, напоминающий о поросятах, кабинки для индивидуалов и множество сверкающих чистотой писсуаров с тоненькими струйками воды. Я остановился, обернулся к входящему старику. Чиновник запер входную дверь, обошел всю уборную, заглянул в каждый угол, после чего подошел ко мне и пристально посмотрел прямо в глаза – заискивающе и насмешливо одновременно.

– Вы спрашивали, понимаете ли, кто-нибудь интересовал-

ся вашим домом, понимаете ли, или нет? – прокаркал он.

– И что? Есть информация, так делись, нет, так проваливай, – грубо сказал я.

– Информация-то есть. Только обойдется она вам в десять рубликов, понимаете ли, и выложите их на столик. А я уж, душенька моя, все вам поведаю. Как знаю.

– А много ли ты знаешь? – усомнился я.

– Я знаю, – старик рассмеялся, – все. И кто файлы из компьютера вычистил. Это, между прочим, я был. И журнал посещений попортил. Тоже моя работа. Но ведь что интересно – не кто работу исполнил, а кто музыку заказал.

– И кто же?

– А вот это вам и обойдется в десять рубликов. – Старик рассмеялся.

Я потянулся за бумажником, но он оборвал мое движение:

– Нет. Нет. Только не здесь.

– Где тогда?

– Душенька моя, не будьте идиотом. Ждите меня в скверике, скажем так, через пару часиков. Будет перерыв. Я выйду и все вам расскажу. Там и рассчитаемся.

– Отлично. Как скажете.

Я спрятал бумажник, посмотрел на себя в зеркало, убрал складки на пиджаке, стряхнул пылинку с плеча и ушел, оставив старика одного.

Миновав пост охраны, я вышел наружу и глотнул свежего воздуха, показавшегося мне изумительным после засто-

явшейся пыли чиновничьих кабинетов.

В сквер к бюсту Ломоносова от градостроительного управления вел узкий горбатый мостик, под которым свободно проходили катера. Я поднялся по ступенькам на мостик и сбежал в сквер. Свободное местечко на скамейке нашлось с трудом. Все заполнили студенты. Видимо, закончились занятия и они выбрались группами попить пивка и пообщаться. С удовольствием я отметил, что «Туровское светлое» пользуется популярностью, судя по батарее пустых бутылок, выстроившихся возле скамейки.

В жизни всегда есть место пиву.

Я расположился на скамейке так, чтобы не выпускать из виду вход в управление, и задумался. Что делать в течение двух часов? Не сидеть же бездельно на скамейке, разглядывая беспечных студентов. Я порылся в кармане, извлек горстку монет, отсчитал шесть копеек и забросил их в монетоприемник газетного лотка со свежим выпуском «Петропольских ведомостей». Лотки стояли возле каждой скамейки. Развернув газету, я внимательно пробежался по колонкам, не выпуская из виду парадный вход в управление. «Император Петр IV в столице туманного Альбиона», «Визит Папы Римского в Москву», «Куда исчезли миллионы?», «Позовет ли Москва?» Последней статьей я заинтересовался и пробежал ее глазами через строчку. Ничего нового и принципиально интересного материал не содержал. Повторение старого слуха о возможном переводе губернатора Пя-

тиримова в Москву. Разве можно было кого-то удивить подобным? Если только пролежавшего последний год в коме и только что очнувшегося индивидуума. Под губернатора активно копали и намеревались его похоронить. Но кому это выгодно? Правда, занимать себя подобными размышлениями я не намеревался. Головоломка не для меня. Отчего-то мне казалось, что все происходящее в городе ныне так или иначе связано с политикой. Даже исчезновение Романа Романова.

Поднялся ветер и стал трепать газету, не давая перелистнуть страницу. С трудом справившись, я погрузился в обзор книжных новинок. Ничего интересного не обнаружив, я углубился в интервью с Борисом Натановичем Стругацким. Интервью было взято по случаю семидесятилетия писателя и выхода его новой книги «Бессильные мира сего». Книгу я не читал, даже в магазине не видел. Только когда я в последний раз заходил в книжный магазин? В конце позапрошлого месяца? Я достал электронный ежедневник и отметил – «купить книгу БНСтруг.». Спрятав ежедневник, я нервно посмотрел на часы. Практически пять часов вечера. Не хватало каких-то пятнадцати минут. Прошел уже час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.